

АЛЕССИЯ
РИТОРИНА

СНЕГОВИК В ПОДАРОК

НОВОГОДНИЙ ДЕТЕКТИВ
МИСТИЧЕСКАЯ МЕЛОДРАМА

18+

Алессия Риторина

Снеговик в подарок

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Риторина А.

Снеговик в подарок / А. Риторина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

11 декабря, в самый канун Нового года, сотрудники предприятия «Чистый квартал» обнаружили случайно труп своего бывшего директора лежащим на рабочем столе в луже крови и с пистолетом в руках. Что произошло с Пал Палычем? За дело принимается молодой, но очень смыслённый детектив, капитан милиции Казановский. Но это не все неприятности, которые омрачили самый светлый праздник года. Главная героиня романа, Злата Авдеева, практически в это же время получает предсказание от навязчивой цыганки о необычайных переменах в её жизни как раз на Новый год! Злата сначала скептически относится к этим суевериям, но со временем всё меняется.

© Риторина А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Алессия Риторина	5
Дай ручку, погадаю	6
Вымученное признание	8
Они не хотели ничего менять	10
Снежинка на твоей ладони	11
Дай я тебя согрею!	13
Встреча со «снежным человеком»	15
Закоренелая холостячка	17
Снова появилась цыганка	20
«Солнце любви в пустыне грёз»	22
Понедельник – день тяжёлый	23
Выполняется ли план производства	25
Это розыгрыш?	27
Почему я это ощущаю	29
Разбитый графин, или Первый рабочий день Серафимы	31
Передача дел	33
Столкновение двух блондинок	35
Из искры возгорится пламя?	37
Собрание после рабочего дня, или Очередная выходка Скоробогатой	39
Зерно любви	43
Что испугало Авдееву	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алессия Риторина

Снеговик в подарок

Copyright © 2018 Алессия Риторина. Все права защищены.
Все книги автора на официальном сайте: [*www.alessiaritorina.com*](http://www.alessiaritorina.com).
Для обложки использованы изображения со стока pixabay.
18+

Дай ручку, погадаю

– Не могу поверить, что такое долгое время ты молчал об этом! – едва сдерживала эмоции Злата, грея обе руки о чашку с дымящимся чаем, стоящую перед ней на столике в кафе.

Уже было около семи часов вечера, и за окном были лишь видны огни дорожных фонарей и капельки растаявших снежинок, разбивающихся о тёплое стекло.

Вдруг откуда ни возьмись перед их столиком появилась женщина неопределённого возраста в цыганских одеждах. Злата Авдеева оглянулась по сторонам: «Егор куда-то исчез... Ну ведь только что сидел передо мной и ...»

– Красавица, дай ручку, погадаю! – перебила мысли суетившейся Златы женщина-цыганка.

– А-а?.. Что?.. Что вы сказали, простите? – не поняла Злата. «И как её вообще пропустили в это заведение?!» – была вне себя от злости девушка.

– Я говорю, дай ручку – погадаю! – повторила женщина с неким специфическим, цыганским акцентом. Не успела Злата разинуть рот, как её ладонь уже была в цепких руках «профессиональной» гадалки. – Ждёт успех в любви тебя в этом году... – цыганка водила пальцем по ладони девушки.

– К-какой ещё успех в любви?! – возмутилась Авдеева. – У меня даже и парня нет! Да и год уж к концу подходит!

– Не перебивай меня, золотая!

– А как вы узнали моё имя?!

Но, казалось, цыганка разговаривала с потусторонним миром и не слышала возражений Златы. Она продолжала вещать с полужакрытыми глазами, крепко удерживая девушку за руку:

– Обязательно до конца этого года ты встретишь свою настоящую любовь! – говорила женщина неопределённого возраста загадочным, полным тайн голосом. – Сейчас ты даже не подозреваешь этого, но твоя любовь где-то рядом...

Злата, как заговорённая, оглянулась по сторонам, внимая предсказаниям цыганки.

– Но не спеши радоваться, моя золотая, – продолжала гадалка, – твоё счастье нарушит пышная блондинка. Вот она и разобьёт твоё счастье. Остерегайся её! Возможно, ты сможешь предотвратить трагедию своей жизни и спасти свою любовь... Если будешь бороться за своё счастье.

Жди к Новому году необычный подарок.

– Подарок?! Но какой? И от кого? – для Златы эти слова были необычными и похожими на сказку. «Она просто вымогает из людей деньги!» – возмущалась про себя девушка.

– Ты скоро сама узнаешь. Это будет подарок к Новому году. Он будет недорогой, но очень дорогой для тебя!

– Как это: недорогой, но дорогой для меня?! – раздражённо уточняла Злата Авдеева. – Что это вообще за бред такой?! Нате, возьмите пять рублей, и спасибо! – она вложила в жёсткую руку цыганки деньги, чтобы побыстрее от неё избавиться.

В этот момент цыганка исчезла так же, как и появилась, очень загадочно. Злата посмотрела ей вслед... Но у входной двери, кроме охранника, никого уже не было видно.

– Что ты там высматриваешь? – со смехом спросил Егор и поставил поднос с горячим ужином на стол. – Вот смотри: это картофель фри, как ты любишь, и котлеты «Папа-раць-кветка»... Но что с тобой? Почему ты такая бледная?

– Ты видел её? – Злата судорожно махала руками, указывая в сторону выхода.

– Кого «её»? У входа стоит охранник и ещё... администратор, который встречает посетителей, – Егор вытянул шею, чтобы получше рассмотреть «необычную» женщину, которая только что испугала Злату.

– Цыганку! – Злата говорила громко и взволнованно.

Её спутник громко рассмеялся:

– Здесь не могут ходить цыгане: это элитное заведение в центре города, это дорогой ресторан. За что, по-твоему, платят во-о-он тому мускулистому парню в белой рубашке? – молодой человек кивнул в сторону охранника.

– Неужели мне померещилось? – руки Златы дрожали.

– Так... на чём это я остановился, когда уходил за нашим заказом? – потирая руки в предвкушении вкусного ужина, спросил Егор Борзенков.

Вымученное признание

– Ты обещал сказать мне что-то очень важное, – тихо напомнила Злата Авдеева, приготовив столовые приборы для долгожданного ужина. Она просто обожала котлеты «Пап-раць-кветка».

– Да?.. – удивился Борзенков, молодой человек лет тридцати двух, с короткой стрижкой, крупными чертами лица и хваткими, большими руками.

Злата раздражённо подняла на него бровь.

– Ах да! – воскликнул Егор и зажёл свечу, стоявшую в центре столика на двоих. В зале заиграла, как по заказу, романтическая, тихая музыка. – Я даже не знаю, с чего начать.

– Это очень странно, Борзенков. Мы работаем с тобой уже два года в одном офисе, а ты не знаешь, с чего начать, – ехидно и надменно ухмыльнулась Авдеева, с удовольствием уплетая картофель фри и умело разделявая ножом сочную котлету на блюде.

А Егор в это время отложил приборы и стал нервно потирать костяшки своих больших рук (так он делал всегда, когда нервничал).

– Ну, начни, наконец, с чего-нибудь! – Злата отпила глоток холодной минералки, искрящейся пузырьками на стенках стакана, в которых отражалось во множественном количестве подвижное пламя свечи.

Егор покраснел:

– Я не думал, что это так трудно сделать... Я думал, что ты и так всё видишь...

– Я?! Что именно? Борзенков, перестань говорить загадками и скажи, что тебя так мучает? Ты потратил деньги, полученные под отчёт, не по назначению? – решила помочь ему Злата.

– Да нет же! Деньги, полученные мною на хозяйды, я никуда не потратил, только на дело. У меня есть все чеки...

– Тогда что ещё? Ты можешь смело мне довериться. Мы дружим уже два года, и ты знаешь, что я – могила! – Злата провела пальцами по губам, изображая соответствующий жест, замыкающий рот.

– Не в этом дело, – неуверенно ответил Егор. Казалось, что какая-то невидимая сила мешает ему говорить. – Помнишь, когда мы впервые с тобой познакомились?

– Ну конечно, помню! – уплетая за обе щеки картофель фри, пробормотала девушка с белокурыми волосами. – М-м-м... эээ... Ну... когда ты...

– В общем, это было в первый день, когда я пришёл работать в «Чистый квартал». Ты помнишь?

– Смутно, – честно призналась Злата, запивая соком вкусный ужин.

– Ну, это уже не столь важно, – продолжал говорить её друг и коллега в одном лице, сидевший напротив за столиком и до сих пор не притронувшийся к еде. – Когда я впервые увидел тебя, я сразу согласился на предложение работать в компании «Чистый квартал»...

– Не ты «согласился работать», а тебя согласился взять к нам Пал Палыч! – поправила Егора белокурая девушка.

– Ну хорошо, куда меня взяли... Ты можешь не перебивать? – Борзенков вытер салфеткой испарину со лба.

– Ну хорошо-хорошо! – потешалась Злата над вспотевшим коллегой.

Борзенкову казалось, что Авдеева издевается и смеётся над ним, что ещё больше усиливало его волнение. Но он ранее дал себе слово, что вот именно сегодня, 7 декабря 2018 года, в канун Нового года, он признается Злате в любви. Ведь всем известна народная поговорка,

что как встретишь Новый год, так его и проведёшь. А Борзенкову хотелось в следующем году обрести наконец пару и не абы с кем, а с девушкой, которую он полюбил всем сердцем.

– В общем... Я влюблён в тебя! – выпалил Борзенков и запил своё вымученное признание холодной водой со льдом.

У Златы в этот момент упал на пол столовый прибор. Тут же подбежал официант и заменил упавшую вилку на чистую.

– Борзенков, ты в своём уме?! – едва придя в себя и воспользовавшись чистым прибором, принесённым шустрым официантом, продолжила доедать свой вкусный ужин Злата Авдеева. – Это какой-то розыгрыш, что ли? Ах да! – щёлкнула пальцами Злата. – Это вы с Шустреевым сговорились, чтобы меня разыграть за то, что я вам на прошлом совещании кнопки на стул подложила! Всё мне теперь понятно... Но вы меня не про...

– Это не шутка! – резко прервал Злату упёртый Борзенков. И она замолчала. – Я сейчас как никогда серьёзен.

Наступила длительная, неловкая пауза. Оба чувствовали себя некомфортно. Злата Авдеева чувствовала, что сейчас от неё ожидается ответ, но какой?! Она абсолютно не была готова к такому признанию. Если бы были какие-то намёки раньше... то она хотя бы подготовилась морально... но так... наобум... как снег на голову...

– Кстати, ещё только седьмое декабря, а уже такой снег валит, – взглянув за окно, обрадовалась Злата. – Наверняка к Новому году будут сугробы. Ты любишь снег? – тихо обратилась она к Егору, который был сейчас похож больше на варёного рака, чем на мужчину.

Перед Борзенковым до сих пор стояла нетронутая порция его ужина.

– Авдеева, ты услышала, что я сейчас сказал? – едва сдерживая себя в руках, чтобы не взорваться, спросил Егор. Злата молчала, она была по-настоящему растеряна, ведь не так часто в жизни ей признавались в любви. – Я тебя люблю! – громко, чеканя каждое слово, повторил признание Егор Борзенков и решительно посмотрел Злате в глаза.

В эту минуту их взгляды встретились. Одна не знала, что ей сейчас нужно делать: то ли радоваться, то ли плакать. А второй наконец выдохнул, как будто выполнил какое-то очень сложное задание.

– Ты можешь сейчас ничего не отвечать, – видя реакцию Златы, продолжил влюблённый юноша. – Позже... Прошу тебя ответить мне позже. Только не сегодня. Хорошо? – возможно, Борзенкову уже самому захотелось уйти от этой неловкой темы. – А сейчас, с твоего позволения, я поужинаю? – его голос дрожал, но краснота лица немного уменьшилась.

– Да, конечно, – тихо ответила Злата, почему-то ей было уже не до смеха, как ранее. – Но твой ужин, наверное, остыл.

– Ничего страшного, – с аппетитом уплетая свою порцию, ответил Егор Борзенков. – Я люблю холодные ужины.

– Тогда приятного аппетита! – попыталась улыбнуться Злата.

Они не хотели ничего менять

Небо казалось иссиня-чёрным сквозь фонарное освещение вечернего Минска. Злата смотрела вверх, и на её разгорячённое лицо оседали холодные снежинки: на ресницы, нос, губы и специально высунутый ею язык.

– Осторожно, тут скользкие ступеньки! – Егор подхватил свою спутницу под локоть, помогая спуститься с крыльца кафе «Новогодняя сказка».

– А ты ловил когда-нибудь снежинки языком? – задорно спросила Злата у Борзенкова.

– Н-не-е припомню, – медленно ответил тот. – Если только в детстве, когда с ребятами в снежки играли.

– А я часто так делала, когда была маленькой! – Злата ухватила Егора под руку и они, спустившись со скользкого от мокрого декабрьского снега крыльца «Новогодней сказки», направились медленным шагом в сторону автобусной остановки, где столпилась куча народу. – Ой, смотри, 25-й подъехал! Давай быстрее!

Злата рванула, чтобы броситься к остановке, к которой подъехал её автобус, но Егор удержал её за руку:

– Давай не будем спешить!

Молодые люди остановились на полпути, не доходя до автобусной остановки. Егор крепко держал Злату за руку, не давая ей уйти далеко вперёд:

– Куда нам спешить? Такой прекрасный декабрьский вечер: идёт снег, пятница... и мы вдвоём... – тихо и загадочно произнёс он.

– Как некуда спешить? – громко перебила романтическое настроение своего спутника белокурая девушка. – А м-может, меня кто-то ждёт дома?! – Авдеева вырвала свою руку, но 25-й автобус уже тронулся прочь от остановки, увозя с собой большую часть людей, которые до этого там столпились.

– Ну я же знаю, что ты живёшь одна! – засмеялся Борзенков впервые за этот вечер. Он немного расслабился и почувствовал себя более уверенно, чем там, в кафе, произнося признания в любви.

Если вы думаете, что это очень легко – признаться в любви объекту своего обожания, не подозревая, насколько это взаимно, то вы очень ошибаетесь, дорогой читатель. К этому признанию наш герой, Егор Борзенков, шёл если не годы, то несколько месяцев, это точно.

Такая дерзость задела Злату Авдееву, уверенную в себе девушку:

– Ты что, в моём личном деле ковырялся?! – Злата задрала повыше подбородок, но всё равно её рост был намного ниже, чем у Егора. Борзенков промолчал. – Можешь не отвечать, – тут же ответила Авдеева на свой вопрос, – это Кислицына тебе подмогла!

– Я воздержусь от ответа, – загадочно улыбнулся Егор.

– Да-да! Я угадала! И так было видно, что она к тебе равнодушна...

Ребята засмеялись. Они не заметили, как уже прошли одну автобусную остановку пешком, весело болтая и подкалывая друг друга. До сих пор было непонятно, кто они друг для друга, эти весёлые молодые люди, не обременённые жизненными проблемами: то ли они до сих пор друзья, то ли уже влюблённая пара, или же они по-прежнему коллеги одного предприятия, возвращающиеся вместе с работы после очередного трудового дня. Да и они сами, Злата Авдеева и Егор Борзенков, по всей видимости, не хотели ничего менять в своих отношениях.

Их действительно всё устраивало, или они хотели показать вид, что всё и так хорошо? Это предстоит нам выяснить далее...

Снежинка на твоей ладони

Снег безмолвно падал на землю, иногда кружась в вальсе, если поднимался ветер, иногда просто опадая вниз без особых выкрутасов, и тут же таял на тёплом, влажном асфальте.

– А снег всё падает и падает, – первой нарушила длительное молчание Злата. – Наверное, к Новому году настоящие сугробы наметут, как и должно быть в новогодний праздник.

– До Нового года ещё три недели. Этот снег успеет растаять несколько раз и снова выпасть, – поддержал диалог задумчивый Егор.

– Да, погода в начале зимы неустойчивая, – согласилась девушка и поплотнее затянула красный вязаный шарф вокруг шеи.

– Почему ты так долго молчал? – вдруг сменила тему Злата.

– Я боялся.

– Боялся?!

– Нет, я неправильно выразился. Я думал, что это скоро пройдёт. Ну, знаешь, как часто бывает с различными влюблённостями: нахлынет какая-то волна, ты думаешь, что влюблён... а потом – раз и ...

– И что?

– Ну, раз – и любовь прошла... Вот я и ждал, пока эта напасть пройдёт, спадёт пелена с моих глаз. Но она всё не проходила. Как приду в офис, как увижу эти голубые глаза... и всё – сразу тону в них. И так день за днём. Прихожу домой и не могу долго уснуть: всё твой образ перед глазами рисуется. А в последнее время уже не мог сдерживать себя. Так хотелось прикоснуться к тебе, но боялся, что ты сочтёшь меня за сумасшедшего. Вот и решился признаться, так сказать. Стал бояться за себя, что могу сорваться и поцеловать невзначай... В общем... ну ты понимаешь... Я не знаю, как это объяснить... – слова Егора снова становились сумбурными, полными эмоций и лишёнными всякой логики. Он очень переживал, что Злата сочтёт его слова и признания бредом, поэтому старался говорить о своих чувствах не очень много.

Некоторое время шли молча, пиная небольшие кучки снега, образовывавшиеся на их пути. Было уже около десяти часов вечера. В домах всё больше и больше зажигалось огней в окнах. Было темно и холодно.

– Ну вот, это мой подъезд, – болтая руками, произнесла Авдеева. – Я тут живу. Во-о-он там, на четвёртом этаже, видишь? – Злата указала рукой в варежке куда-то наверх.

Егор вдруг схватил её правую руку, которой она указывала на окно своей квартиры, зубами сорвал красную вязаную варежку и поцеловал ладонь Златы.

– Ты что делаешь?! – она испуганно вырвала свою руку и вытерла её о бежевое пальто. Этот жест её получился спонтанно, Злата абсолютно не хотела обидеть своего спутника, коллегу, друга, влюблённого мужчину... ну и как ещё его можно было бы сейчас назвать. – Прости... – тихо произнесла она, когда увидела, как засмутился Егор. Видимо, он тоже не ожидал от себя такого порыва нежности.

– Это ты меня прости, – ответил Борзенков, не поднимая своих заснеженных ресниц. Он был в этот момент похож на огромного, 187 см ростом, ребёнка, в длинном сером пальто, который смешно держал руки сзади и чертил носком ботинка фигуры на свежевыпавшем снегу у подъезда Златы Авдеевой. – Я должен был, наверное, спросить разрешения, чтобы поцеловать твою ладонь? – он вопросительно заглянул в лицо Златы, освещённое тусклым светом околоподъездного фонаря.

Это выглядело настолько милым и неуклюжим со стороны, что Злата не смогла сдержать смех и засмеялась очень громко, запрокинув голову.

– Борзенков, ты сейчас это всерьёз сказал? – не унимала смех Авдеева.

– Ну вот, я так и знал, что ты будешь смеяться надо мной.

– Я не над тобой смеюсь, а над ситуацией. Ну ладно тебе! – Злата взъерошила волосы на большой голове Борзенкова.

Борзенков был без перчаток. Он протянул вперёд руку ладонью вверх, и на неё стали опадать снежинки.

– Смотри! – тихо позвал он поближе свою подругу. Злата подошла вплотную к Егору. – Видишь?

– Что?

– На моей ладони...

– Снежинка?

– Да... Смотри, какая она красивая! – шептал на ухо склонившейся девушке Егор. Он включил экран своего смартфона и, держа его другой рукой, осветил голубым светом большую снежинку на своей холодной ладони.

– Она имеет необычную форму, – прошептала Злата, боясь тёплым дыханием растопить белоснежную красоту.

– Да. И каждая снежинка не похожа на другую, каждая имеет свою неповторимую форму, видишь? – продолжал рассказывать Егор.

– Прямо как люди! – восхитилась Злата и улыбнулась. – Невероятно!

– А ещё, обрати внимание, снежинка имеет шесть граней.

– Ага...

– И нет ни одной снежинки с пятью или семью гранями...

– Не может быть! – перебила рассказ Егора Злата.

– Да, так и есть. Все они симметричны и имеют шестиугольную форму, что доказано наукой.

– Вот это да-а! – не скрывала восторга девушка, продолжая разглядывать снежинку на руке Борзенкова. – Она такая красивая!

– Ага, как будто её искусно выковал из маленькой льдинки новогодний кузнец! – продолжал свой рассказа Егор. – А ты знаешь, почему хрустит снег? – Борзенков чувствовал себя уверенно, делясь «снежными» открытиями со своей любимой девушкой.

– Нет. И почему же? – искренне интересовалась Авдеева.

– Когда ты наступаешь на снег, под твоей ступнёй ломаются в один момент сотни или тысячи, а может миллионы снежинок. Вот они-то и издают этот хруст.

– Ой, как жалко!

– Кого?

– Снежинок...

Борзенков засмеялся:

– Зачем же их жалеть? Это же всего лишь кристаллики льда! – он смахнул снежинку со своей застывшей от мороза руки, и та плавно запарила в воздухе, пока не опустилась на землю, соединившись с другими, такими же шестиконечными, ледяными звёздочками, образуя сугроб у подъезда дома, где жила Злата Авдеева.

– Но всё равно жалко, когда задумываешься, какая красота ломается под твоими ногами, – и они оба звонко засмеялись.

Дай я тебя согрею!

– Ты, наверное, руку себе отморозил, – заметила Злата, как Егор потирает замёрзшие ладони, – пока демонстрировал мне это снежное чудо природы?

– Да нет, не очень, – оправдывался эрудит.

– Дай я тебя согрею! – Злата взяла огромные ладони Борзенкова в свои руки и обдала их тёплым дыханием.

Борзенков оторопел не только от её тепла, но и от её запаха. Злата подняла глаза на Борзенкова и, увидев, как он жадно ловит каждое её прикосновение и каждый её вздох, прекратила реанимировать его замёрзшие ладони.

– Ну, вроде бы всё, согрелся! – громко произнесла девушка. – Ну что же...

– А ты не хочешь меня пригласить к себе на чай? – сам от себя не ожидал такого предложения Борзенков.

– Что?! – глаза Златы увеличились в несколько раз в размерах. Таким дерзким её коллега до сих пор не был с ней. – Ты совсем с катушек слетел, Борзенков?! Ты в гости ко мне напрашиваешься, что ли?

– Ну, если так можно выразиться... – Борзенков решил не сбавлять обороты. Ведь он знал и помнил о том, что девушкам нравятся смелые и решительные парни. – Там и обогреешь мои замёрзшие ладони. Ты же одна живешь! – ещё раз напомнил он Злате.

– Ну, знаешь ли... – девушка оторопела от таких перемен в своём друге-коллеге и не сразу нашлась, что и ответить. – А знаешь что...?!

– Что?

– Это самое... – Злата судорожно подбирала в уме подходящие выражения. – А не пошёл бы ты...

– Не понял я, Авдеева. Ты хочешь послать меня после того, что... что я тебе сказал?!

Злата взяла себя в руки: сейчас она может наломать дров, о чём потом пожалеет. Так было уже не раз за её долгую, в 32 года, жизнь. Несколько раз её прошлые отношения рушились из-за её несдержанности и острого язычка. И вот сейчас это могло повториться в очередной раз с очередным влюблённым в неё парнем. «Э-э нет, мне нужно попридержать лошадей!» – мысленно убеждала себя Авдеева.

– Нет, конечно же! – спохватилась Злата, ссориться она вряд ли сейчас планировала. – Но я хотела бы тебя поблагодарить за такой тёплый и...

– Романтический!

– Да, и за романтический вечер...

– А на чашечку чая? – Егор умоляюще заглядывал в глаза Злате.

– Нет, Егор, – твёрдо стояла на своём девушка. – Никаких приглашений на чай не будет...

– У-у-у... – разочарованно замычал Борзенков.

– Ты же сам сказал мне, что я не обязана отвечать на твоё признание! – не выдержала Злата.

– Ну да... Я говорил это, – Егор виновато опустил голову.

– Ну вот. Тогда спасибо тебе за этот чудесный вечер... Правда мне было так весело и так хорошо... с тобой... особенно про эти... снежинки, ты красиво рассказывал... В общем, мне пора, – последние слова она произнесла тише всех остальных.

Егор понял, что спорить бесполезно, так он только отпугнёт и оттолкнёт от себя девушку, которую собирался завоевать:

– Ну хорошо. Тебе тоже спасибо. Можно хотя бы поцеловать на прощанье?

– М-м-м... – несколько секунд Злата взвешивала свой ответ. – Я думаю, что это ни к чему. Ну ладно. Пока.

– Пока.

– До понедельника.

– До понедельника. Увидимся в офисе! – крикнул в след уходящей в подъезд девушке Борзенков. – Если хочешь... – железная дверь громко захлопнулась, – позвони! – последнее слово вряд ли долетело до слуха Авдеевой.

Молодой человек в сером пальто наклонился к бордюру тротуара, за которым образовался небольшой сугроб из свежевыпавшего снега и слепил небольшой снежок. Декабрьский мороз был слабым, и снежки лепились в это время просто превосходно.

«Вот бы слепить сейчас снеговика! – подумал про себя Борзенков, разглядывая сверкающий от тусклого фонарного света снежок в своей руке. – Вот бы Злата обрадовалась».

Он тихо улыбнулся и бросил снежок в сугроб. Тот утонул, но не до конца. Борзенков катнул его в сторону, и тот увеличился в размере. Как забавно! Егор стал валять его в разные стороны, пока маленький снежок не превратился в большой шар, размером с арбуз. Он взял его в руки, как ребёнок радуясь своему творчеству:

– Жаль, что Авдеева сейчас не видит моего творения!

Встреча со «снежным человеком»

Егор посмотрел вверх, где находилось окно его любимой девушки. Вот и свет зажёгся – значит, она уже дома. Как жаль, что ему не позволено туда войти. Интересно, как выглядит её жилище, как там пахнет, что она сейчас делает за гардинами этого окна?..

Вдруг Борзенков почувствовал на своём плече что-то очень тяжёлое. Он, не поворачивая головы, взглянул на левое плечо. На нём возлежала огромная человеческая... нет, не рука... лапа! Всё внутри похолодело в теле Борзенкова. Неужели в 2018 году по Минску блуждают снежные люди?! Он окаменел и долго не осмеливался взглянуть своему страху в лицо. Но этого не потребовалось, потому что сзади, откуда произрастала та самая рука-лапа, прогремел «нечеловеческий» рык:

– Тебе чего от неё надо?

Борзенкову на миг показалось, что сейчас с вершины горы сойдёт снежная лавина – настолько громким и страшным был этот голос сзади. Но затем он вспомнил, что в Минске нет гор, и максимум, что может сейчас произойти страшного, – это землетрясение и крушение стоящего перед ним многоэтажного дома. Но такой катастрофы Борзенков не мог допустить, так как в этом доме жила его любимая девушка, Злата Авдеева. И он, набрав воздуха в лёгкие и собрав всю силу воли в кулак, ответил этому «чудовищу»:

– Простите, что вы сказали? – его голос немного взвизгнул от напряжения связок.

Борзенков медленно повернул голову и часть корпуса в сторону, где находилось «чудовище», обладатель огромной лапищи. Снежный шар выкатился у Егора из рук и разбился о землю. Перед ним стоял высокий амбал в чёрной шапочке, надвинутой на брови и полностью закрывающей уши. Он прятал одну руку в кармане кожаной куртки, а второй продолжал удерживать Борзенкова за предплечье:

– Я сказал, чтобы ты отвалил от моей бабы! – прорычал прямо в лицо Егору Снежный человек в чёрной шапочке и сплюнул сквозь зубы огромную слюну, которая упала рядом с дорогим ботинком Борзенкова.

Егор осторожно оглянулся вокруг:

– Простите, о какой бабе идёт речь? По-моему, здесь никого нет! – тихо возразил молодой человек в сером пальто и отклонил корпус своего тела немного назад, чтобы отстраниться от зловещего дыхания «чудовища».

– Ты что, вметрбсексуал, шутить вздумал? – чудовище схватило Борзенкова за лацканы серого пальто.

– Простите, мужчина, но вы неправильно используете слова. Не «вметрбсексуал», а «мётросексуал»! Это во-первых, а ...

– А во-вторых, я сейчас тебе разможу твой красивый «чайник», если ты не прекратишь кривляться и приставать к моей бабе! Ты понял меня?! – амбал в чёрной шапочке встряхнул стоящего (вернее, уже висящего) перед ним Борзенкова.

– Но я не мог приставать к вашей бабе! – болтая в воздухе ногами, не достаящими до земли, оправдывался Борзенков, стараясь вырваться из рук огромного человека в чёрной шапочке. – Я вообще с ней не знаком!

– Ты пытался её поцеловать несколько минут назад! Я всё видел!.. – рычал в лицо Борзенкову разъярённый амбал в чёрной шапочке.

– Но... Но... Я не...

– Это Злата Авдеева.

– Как?! Как такое может быть?.. Злата?!

– Да. Я её муж. И причём законный!.. А теперь иди охладись, вметрбсексуал!

«Снежный человек» кинул со всей силы ничего не понимающего Егора Борзенкова в огромный сугроб, образовавшийся совсем недавно на газоне у дома Златы Авдеевой. С грохотом и тупым треском влюблённый «ромео» рухнул и провалился в белую перину, ударившись своим бранным, но красивым телом о промёрзлую землю под ней.

Первые минуты, две или три, «ромео» не мог пошевелиться, так как на мгновение перестал чувствовать своё тело, а перед глазами образовалась крошечная тьма с мелкими белыми звёздочками, летающими, как мухи, вокруг его головы. Громкий голос «снежного человека» вернул Борзенкова снова на грешную землю:

– И чтобы я тебя больше с ней рядом не видел!

Накачанный мужчина в кожаной короткой куртке и чёрной шапочке громко отхаркнулся и сплюнул зелёную слюну с соплями в сторону сугроба, где приходил в себя неудавшийся герой-любовник Златы Авдеевой, Егор Борзенков.

Через несколько минут белые звёздочки, наконец, перестали летать в глазах Егора, и шум в ушах стал намного тише. Он приоткрыл глаза и посмотрел вверх, в чёрное небо: вместо звёздочек над ним кружили белые снежинки, норовя опуститься на холодный нос побеждённого «ромео». Егор повернул голову правее и посмотрел в окно на четвёртом этаже, где горел свет. Это было окно в квартире Златы Авдеевой, которая, наверняка, не подозревала, что влюблённый в неё парень сейчас лежит распластанный в сугробе, прямо у неё под окном.

Закоренелая холостячка

– Таня, ну вы тут секретничайте, а мы с Катюшей пойдём в «Макдональдс» за картошкой фри, как я ей и обещал. Ведь сегодня суббота!

Муж и дочь Тани Пичугиной, лучшей подруги и бывшей одноклассницы Златы Авдеевой, отправились в соседний «Макдональдс» отведать вкусного и вредного для здоровья фастфуда, который обожают при всём при этом дети.

– Мы хотим на Новый год отправиться в Австрию, на горнолыжный курорт, – щебетала счастливая Таня Пичугина, подливая себе ещё чаю в чашку из голубого сервиза с золотистой каймой сверху. Таня была хорошей подругой Златы и её же соседкой по совместительству. Поэтому с утра до ночи, если не нужно было идти на работу или по другим делам, они просиживали в основном у Златы дома и много говорили, секретничали, в общем, были почти как родственницы. Муж Тани Пичугиной не возражал против их тесной дружбы: если жены нет дома, то она наверняка у Златы, на четвёртом этаже. – Ты же знаешь, как мы любим придумывать что-то новенькое на рождественские и новогодние праздники! – Пичугина смачно надкусила овсяное печенье с изюмом и подмигнула подруге правым глазом.

– А ребёнка куда? С собой возьмёте? – безрадостно расспрашивала подругу Злата, обнимая ладонями нетронутую чашку чая подле себя.

– Ребёнка? А-а-а, ну что с ребёнком? Отвезём к бабушке в Уручье... ну, или на худой конец с тобой оставим! – Таня звонко отхлебнула из чашки.

– Со мной?

– Ну да! Ты же всё равно, как обычно, будешь дома праздновать одна, – Пичугина всегда была уверена в том, что говорила. И это всегда было правдой: часто Злата отмечала Рождество и Новый год в одиночестве и, в принципе, не особо переживала по этому поводу.

– Да, это так. Но я думаю, что этот Новый год будет особенным... – таинственно произнесла белокурая девушка.

– Ой, ну ты всегда так говоришь, а потом ничего нового и особенного в твоей жизни не случается! – парировала брюнетка и махнула в сторону Златы рукой, мол, с тобой и так всё понятно. – Подруга, поверь мне, работа и карьера – это не всё в твоей жизни. Нужно когда-нибудь и о семье подумать.

– В наше время это неактуально. Многие люди выбирают счастливую одинокую жизнь и остаются навсегда убеждёнными холостяками, – Злата отпила, наконец, из своей чашки остывший чай, но от протянутой Татьяной овсяной печеньюшки отказалась, мотнув головой. – Вот и я из их числа. Меня совсем не прельщает посвятить другим лицам всю свою жизнь: стирать им трусы, носки, готовить и убираться. А когда я буду отдыхать и заботиться о себе?! – Злата возвела обе руки к небесам. – А если этот человек начнёт раздражать меня?! А если дети будут не такими умными, как хотелось бы, и будут доставлять мне одни проблемы?! О-о-о, нет! Я на это не хочу подписываться!

– Ну, если ты такая убеждённая холостячка, – прервала речь Златы подруга-брюнетка, – тогда чего же ты ждёшь каждый год на Рождество перемен? И в этот раз не исключение!

– Не знаю, – Злата опустила глаза и стала пальцами бессвязно водить по золотистому краю голубой чашки. – Может, это традиция у меня такая – ждать перемен и чудес на Новый год, и она передалась мне с генами от прадедов... В общем, как и любой другой человек, я жду перемен в Новый год и чуда.

– Как дети?

– Да, как дети... Возможно, в мои 32 года во мне ещё не умерла та белокурая девочка, которая каждый год ждала чуда и подарков к Рождеству; и оно, это чудо, обязательно случилось! – Злата осветилась улыбкой, впервые за сегодняшний день.

– А какого чуда ты ждёшь? Чего бы тебе хотелось? – тихо спросила Татьяна.

– Я даже не знаю...

– Вот видишь, ты никогда не знаешь, чего ты хочешь и чего ты ждёшь? Как же Судьба сможет угодить тебе и что-то подарить нужное и дорогое?

– Я знаю, чего я хочу! – резко ответила Злата.

– И..?

– Я хочу любви... – голос Златы дрогнул, и она покраснела. Девушка произнесла вслух то, в чём не хотела признаваться даже самой себе, а тут...

– Дорогая, ты противоречишь сама себе. Минуту назад ты призналась, что ты не хочешь отказываться от одиночества ради других людей и что ты закоренелая холостячка. А сейчас ты утверждаешь, что всё-таки хочешь любви! Как это понимать, скажи мне на милость?! – не выдержала жгучая брюнетка Татьяна Пичугина и налила себе ещё одну чашку ароматного чаю с лимоном.

– Да, я так сказала. Ну... я даже не могу это чувство объяснить. С одной стороны, я не хочу ничего менять в своей размеренной холостяцкой жизни, а с другой стороны, я не против в кого-нибудь влюбиться... ну, чтобы так вот с головой, без остатка, – глаза Златы заблестели в этот момент.

– Я тебе говорила, что у моего Пети есть симпатичный коллега на работе?! – Таня Пичугина загадочно заулыбалась, и глаза её хитро прищурились. – Мы тебя с ним познакомим, авось у вас на Новый год что-то и сложится!

– Да ну! Сколько раз вы меня уже сватали, и дальше первого знакомства, максимум второго свидания, не заходило! – Злата с кислым выражением лица махнула рукой.

– Кстати, ты приготовила себе наряд на Новый год? У вас корпоратив будет в этом году?

– Конечно будет! Что за вопросы такие?! И наряд у меня есть! – глаза Златы повеселели.

Она схватила за руку подругу и потащила за собой в гостиную. На диване стояла большая картонная коробка.

– Смотри, какое я платье себе прикупила! – Злата открыла крышку большой коробки, и Таня зажмурилась от света, которым сверкало платье, лежавшее в ней.

– Это какое-то волшебство! – не сдержала эмоций подруга Златы, восхищаясь наполнением коробки.

Злата танцуя достала из коробки длинное-предлинное серебристое платье и приложила его к своей фигуре:

– Правда, красивое? – глядя на себя в большое напольное зеркало, спросила блондинка у подруги.

– Невероятно! – Таня потрогала платье рукой, как будто не веря, что оно настоящее. – А тебе не кажется, что нужно было выбрать что-то поярче? – спросила Пичугина у подруги, но тут же замолчала под пристальным, испепеляющим взглядом Златы.

– Нет! Мне не нужно поярче. Я просто украшу это серебристое платье яркими бусами, браслетом и ремешком...

– Помаду не забудь красную к нему!

– Обязательно! – Злата закружилась в вальсе с серебристым платьем, подготовленным ею к новогоднему корпоративу.

– И к такому платью нужен ещё спутник приличный. У тебя есть такой?

– Ой, Пичугина, опять ты за своё! У тебя стандартное мышление: всё должно быть стандартным в жизни. Как ты не понимаешь, что не все хотят жить по стандарту: работа, дом, муж, дети, старость, смерть.

– А как ты хочешь жить?

– Не так. Я хочу жить по сердцу, – ответила Злата.

– Но в конце этой цепочки всё равно смерть!

– Слушай, давай не будем о грустном. Посмотри, какой снег за окном падает!

Подруги подбежали к окну. Крупные хлопья снега падали с серого неба. Всё было белым: крыши домов, деревья, асфальт, машины и головы проходящих мимо людей.

– Как я обожаю эту пору года! – заворожённо наблюдая за снежинками, произнесла Авдеева.

– И я! – как эхо, вторила ей Таня Пичугина.

Снова появилась цыганка

Вдруг Злата увидела в окне, прямо напротив её лица, только с обратной стороны стекла, цыганку. Это была она, та женщина из кафе «Новогодняя сказка», которая...

– Это она! – Злата, как будто получившая сильнейший удар снарядом в грудь, отскочила от подоконника, на который минуту назад облокотилась.

– Что с тобой? – широко раскрытые, карие глаза Пичугиной выражали беспокойство, но больше страх. – Ты вся побелела.

Злата свалилась на рядом стоящий диван, тяжело дыша:

– Т-ты в-видела её? – заикаясь спросила Злата, указывая рукой в окно?

– Кого? – недоумевала Таня. – Кого увидела? – она посмотрела вниз, на дорожку у дома. – Ну, ходят прохожие внизу. А ты кого-то ждёшь?

– Как? Ты не видела сейчас цыганку? Она постучала мне в окно!

– Авдеева, ты реально спятила. Это же четвёртый этаж! Как нам могла стучать в окно цыганка с воздуха?! – Таня потрогала лоб Авдеевой. – По-моему, у тебя жар.

– Да нет у меня никакого жара! – Злата резко оттолкнула руку Пичугиной, пытавшейся ей помочь измерить температуру.

– Подруга, ты бредишь!

– Не брежу я! – чуть не плача, оправдывалась Злата. – Эта цыганка существует!

– Да-да, существует-существует, – Таня укрыла серым плюшевым пледом колени Златы.

– Она мне нагадала перемены в жизни к Новому году.

– Сейчас? Через окно? – рассеянно спрашивала Пичугина. Ей показалось странным поведение подруги, и она решила, что та просто заболела.

– Вчера, когда мы с Борзенковым сидели в кафе «Новогодняя сказка»...

– У тебя появился кавалер?! – обрадовалась Таня, услышав мужскую фамилию.

– Ой, ну какой кавалер?! – раздражённо ответила вопросом на вопрос Злата. – Это же Борзенков! Мой коллега. Мы два года вместе в одном офисе сидим, просто за разными перегородками. Чай вместе пьём, ужинаем иногда.

– И..?

– Что «и»? Как с подружкой, перетираем с ним все новости и офисные сплетни, делимся с ним самым сокровенным. Я вообще никогда не рассматривала его как потенциального жениха. Так что твои инсинуации по поводу Борзенкова беспочвенны, Пичугина!

– Жаль! – вздохнула Татьяна и уселась поудобнее на диване, рядом со Златой. – Ну, а что дальше-то было? Что цыганка нагадала тебе? Не тяни, Авдеева!..

– Что-что?.. Я вообще засомневалась сейчас, что она была, эта цыганка.

– Почему?

– Когда за окном её образ увидела и она постучалась снаружи. Настоящие же цыганки не умеют летать!

– Мда-а... А вдруг нет?! Скоро же Рождество и Новый год! Возможно, это какое-то предновогоднее предзнаменование для тебя! – вдохновилась Пичугина. – Что она сказала тебе?

– В общем, Борзенков её вообще не заметил, он отлучался в это время за нашим ужином, а когда вернулся, то сказал, что никого не заметил у столика. Представляешь?!

– Ничего себе!

– А она-то была! – активно жестикулируя руками, убеждала подругу, и себя в том числе, Злата.

– А как она выглядела? – Таня наклонилась вперёд, чтобы не упустить ни одной детали из рассказа.

– Ну как? Как и все цыгане! На ней была ярко-красная расклёшенная юбка до пола. Вот это я точно помню. На голове платок чёрный с жёлто-красными цветастыми узорами...

– Та-ак... А ещё что? – вытягивала воспоминания из подруги Пичугина.

– Волосы у неё были длинные и чёрные, как смоль... Руки!.. Руки такие у неё были, знаешь, – Злата стала показывать на своих ладонях, – морщинистые такие, но с маникюром. А на теле у этой странной цыганки был напялен какой-то невыразительный пиджак, вроде бы чёрного цвета... – Злата прищурилась, смотря куда-то вдаль. – Я даже не помню, откуда она вообще вынырнула и объявилась у моего стола...

– Это странно, что её вообще пропустили в такое приличное заведение в центре Минска! – возмущалась Таня Пичугина. – Ну, а что дальше-то было? – ей не терпелось услышать самое главное в этом рассказе. – Что же она тебе нагадала?

– Таня-я, мы уже пришли-и! – послышался резвый мужской голос с порога, и в гостиную забежала Катюша, Танина дочка. А за ней в проёме двери появился большой мужчина.

– Ой! – вскрикнула Таня. – А вы уже вернулись? Так быстро?!

– Это не мы быстро вернулись, а это вы так долго заболтались! – подколол муж Татьяну. – Ты, вообще-то, собираешься домой или так и останешься здесь до самой ночи?! – в его голосе послышались нотки раздражения.

Таня подскочила с дивана и обняла своих родных.

– Мама, пошли домой уже! Я тебе расскажу, где мы с папой побывали! Ну пошли! – Катя потянула за край трикотажного свитера Таню Пичугину.

– Иди уже! – отпустила Злата свою подругу.

– А как же ...?

– Завтра дорасскажу, а сейчас идите домой! – заулыбалась Авдеева, глядя на кудрявую Катюшу.

В квартире Златы Авдеевой стало тихо. Она снова осталась одна. Уже было около 16 часов дня, и за окном надвигались сумерки.

«Как же красиво за окном! – думала про себя Злата, кутаясь в плюшевый плед, которым укрыла её подруга перед уходом. – Эти большие белые хлопья падают и падают на землю, и всё им нет конца...»

Ей даже не пришлось в голову посмотреть в свой мобильный, ведь она абсолютно не ждала ни от кого звонка, тем более в выходной день. И очень часто она попросту отключала телефон, чтобы её никто не беспокоил, потому что ей могли позвонить лишь только с работы.

Ну и зря! В это время ей наябывал без конца – кто бы вы думали? – Егор Борзенков! Но Злата не видела и не слышала этих звонков, так как её мобильный, как всегда, находился в беззвучном режиме. Да и она подумать не могла, что кто-то ей сегодня – с чего бы это?! – позвонит.

«Солнце любви в пустыне грёз»

А Борзенков не находил себе места все выходные.

– Что ты мечешься, как тигр в клетке? – нервничала мама Борзенкова, Тамара Степановна. – Ты можешь мне объяснить, что происходит?! – мама повысила голос до визга.

Борзенков ходил взад и вперёд по периметру маленькой двухкомнатной хрущёвки на северной окраине Минска и всё время молчал, чем раздражал и беспокоил свою престарелую мать.

Его мысли сбивались в кучу: «снежный человек» в чёрной шапочке, Злата Авдеева, признание ей в любви, кувыркание у неё под окном в сугробе, звёздочки, а потом снежинки в глазах, ревность и любовь, отсутствие чёткого ответа на признание, ни «да», ни нет... В общем, полный кавардак в голове. А ещё: как себя вести завтра при встрече в офисе, как держаться рядом с ней на новогоднем корпоративе... и так далее, и тому подобное. Борзенков держал обе руки в карманах брюк, иногда он их вынимал и хватался за волосы на своей голове, хотя они и без того были взъерошены и, похоже, немыты...

– Да перестань ты, наконец, маячить перед глазами! – не выдерживала Тамара Степановна. – Сейчас мой любимый телесериал начнётся – «Солнце любви в пустыне грёз». Прекрати в конце концов!

Борзенков плюхнулся во второе кресло, рядом с мамой.

– Ну вот! Другое дело, – успокоилась пенсионерка и включила пультом цветной телевизор напротив.

Заиграла музыка начинающегося телесериала, который смотрел в это время весь дом, и двор становился пустым, потому что все мамочки забирали детей домой, чтобы успеть к началу мелодрамы.

– Что с тобой происходит? – не отрываясь от экрана, пока звучал проигрыш и шли титры начинающегося фильма, поинтересовалась мама у Егора. – Может, ты влюбился? – при этих словах её выражение лица не изменилось, наклон головы так же.

– Может... – задумчиво, в такт маминой интонации, произнёс Борзенков. Лицо его никогда нельзя было назвать красивым – крупные черты лица, выдающийся вперёд широкий нос, широкие скулы, растянутый рот и светло-русые, почти бесцветные волосы – а сегодня его вид вообще кричал о том, что человек болен либо с ним что-то происходит неладное.

– В кого? – не моргая и не отрывая взгляда от красивых лиц на телеэкране, машинально вела диалог Тамара Степановна.

– В неё, – откинув голову назад, на спинку мягкого кресла, отвечал ей сын.

– А она кто?

– Девушка.

– А почему грустишь тогда? Смотри, как выглядят влюблённые люди! – она кивком головы указала на целующуюся пару в сериале «Солнце любви в пустыне грёз».

– Это только в кино так выглядят влюблённые, – Борзенков тяжело вздохнул и посмотрел в который раз на экран мобильного телефона с тысячей неотвеченных исходящих вызовов, – а в жизни всё как раз таки наоборот.

– Егорушка, сколько раз я тебе говорила, что в жизни нужно быть прежде всего оптимистом, и тогда всё сложится так, как ты пожелаешь! – утешала его мама и одновременно следила за развитием событий на экране. Как это у неё получалось – загадка даже для сына.

– Да, мама, знаю: стакан наполовину полон, – Борзенков наперёд предугадывал мамини фразы, ведь всю свою сознательную жизнь они прожили вместе, в одной и той же маленькой хрущёвке, даже отца своего Егор не помнит. Такова жизнь.

Понедельник – день тяжёлый

– Так, быстрее-быстрее! Все на совещание! – послышалось за дверью бухгалтерского кабинета, и мимо, за прозрачной перегородкой «аквариума» – так называли прозрачные стены офисные работники – проскакала общественная активистка и менеджер по персоналу, правая рука и заместитель директора частного предприятия «Чистый квартал» по работе с общественностью, Снежана Виноградская. – В 9 часов 30 минут все должны сидеть на совещании! – протяжно и звонко оповещала энергичная Снежана.

Конечно, никто на совещание не опаздывал. Некоторые уже заранее заняли свои постоянные места в кабинете директора.

– Итак, товарищи, начнём! – оглядев всех и пересчитав по головам своих сотрудников, вздыхая и пыхтя, начал свою речь Пал Палыч, директор «Чистого квартала». – Так, Шустреев, ну-ка поднимай голову, хорош спать! Я понимаю, что понедельник – день тяжёлый, но чтобы спать на совещании у директора – это верх наглости! – Пал Палыч закашлялся.

Ему уже было больше шестидесяти, но к пенсии он не готовился и часто шутил на эту тему, мол, с работы – сразу в могилу. Да и работники предприятия любили его за справедливость и человечность в отношении коллектива, за мудрость и твёрдость характера.

– Сегодня мы обсудим такие темы, – Пал Палыч правой рукой спустил большие очки в коричневой оправе на кончик своего мясистого носа и стал зачитывать повестку дня с листочка, заранее заготовленного для него помощницей. – Первая: «Соответствие объёмов производства и продаж годовому плану». Вторая: «Утверждение списка передовиков для получения тринадцатой зарплаты в декабре этого года». Ну и третья тема, самая интересная для вас... – Пал Палыч, не отрывая головы от листочка, лишь приподняв веки под массивными бровями, осмотрел всех присутствующих хитрым взглядом и продолжил, – «Утверждение программы и меню для корпоративного новогоднего вечера».

Последние звуки и слова речи Пал Палыча были заглушены всеобщими аплодисментами и выкриками «Ура!». Под всеобщий шумок в кабинет директора тихо прошмыгнула Злата, на ходу стаскивая с себя пальто и длинный вязаный шарфик.

– Авдеева, а вас здороваться мы до сих пор так и не научили?! – всё-таки, при всей своей нерасторопности и неостром зрении, её заметил Пал Палыч.

– Ой, извините меня, пожалуйста! – пытаюсь запихать куда-то под стол верхнюю одежду, произнесла смущаясь Злата Авдеева и присела на стул в самом конце кабинета, подальше от начальника.

– А какова причина вашего опоздания, позвольте узнать? Не садитесь, не садитесь! – продолжал допытываться директор.

Авдеева встала возле стола по стойке смирно, как в школе, вся раскрасневшаяся, под пристальными взглядами своих коллег.

– Я... я... – что-то начала бормотать Злата, потупив вниз взор.

– Ты что, не подготовила извинительную речь заранее? – тихо прошептал сидящий рядом Борзенков, обращаясь к своей коллеге, подруге и возлюбленной в одном лице.

– Борзенков, не подсказывайте! – голос Пал Палыча стал более грубым.

– А я что?! А я ничего! Я совсем не при делах... – что-то невнятное мямлил Борзенков, растягивая время и давая возможность Авдеевой подумать.

Коллеги засмеялись. Часто Борзенков создавал шуточные и смешные ситуации, чтобы немного разрядить накалённую обстановку в офисе и расслабить заработавшихся сотрудников «Чистого квартала». Ведь рабочие будни без разрядки кого угодно до стресса доведут.

– Я прошу прощения за своё опоздание, – переминаясь с ноги на ногу, произнесла Авдеева. – У меня есть на это уважительная причина...

– И какая же? – строго спросил директор.

– Пробки... Да-да, именно пробки! В центре города образовались большие пробки из-за сильного снегопада. Вся очередь из автомобилей застряла на несколько десятков минут, пока снегоуборочные машины расчищали снег...

– Да-да, я подтверждаю это! – выкрикнул сидящий рядом Егор, подняв руку вверх, чтобы его было заметно. – Даже утром по телевидению передали штормовое предупреждение об опасности в виде сильной метели и обильного снегопада...

– А вас, Борзенков, я не спрашивал! Будьте любезны не перебивать! – директор начинал злиться. – Ну что же, так как вы, Авдеева, опаздываете на своё рабочее место впервые, я закрою на это глаза сегодня и не сделаю вам выговор...

Все зашумели и зашушукались, Борзенков незаметно пожал Злате руку под столом, выражая свою солидарность.

– Так, тишина! – попытался перекрычать своих коллег и продолжить совещание Пал Палыч. – Продолжаем совещание. Да прекратите же вы, наконец, этот балаган!.. Слово предоставляется главному маркетологу частного предприятия «Чистый квартал» Эдуарду Величко. Прошу вас!

– Послушай, – тихо обратился Борзенков к Авдеевой, когда всё внимание участников собрания переключилось на нового докладчика.

– Что ещё? – недовольно спросила Злата, моргая заспанными глазами.

– А кто этот «снежный человек», который меня в пятницу в сугроб у твоего дома сбросил?

– Какой такой «снежный человек»? Ты бредишь, Борзенков? – фыркала Злата. – Мне сейчас не до смеха, поверь!

– Нет, не брежу. Мужик в кожаной куртке и чёрной шапочке скинул меня у твоего подъезда в сугроб и сказал, чтобы я к «его бабе», то бишь к тебе, больше не приближался. И дополнил, что он твой муж.

– А-а-а, этот! ...

– Кто он? Ты была замужем?

– Да, очень давно. В 19 лет я вышла за этого придурка замуж – тогда он был, кстати, нормальным – просто из интереса за первого встречного, который предложил мне это. Побывала там два месяца, поняла, что это всё не для меня, и мы развелись. Но он почему-то до сих пор гоняет всех моих мужчин. Но ты не обращай внимания, он только пугает, – утешила Злата Егора.

– А я и не обращаю.

– Так, прошу тишины! – докладчик постучал ручкой о стенку стеклянного графина, и гул голосов на время затих.

Выполняется ли план производства

– Спасибо, Пал Палыч, за предоставленное мне слово. Как всегда, я подготовил необходимые цифры о проделанной нами всеми работе за предыдущий месяц, ноябрь 2018 года. Некоторые цифры любезно были предоставлены мне нашей бухгалтерией. Спасибо, девчата! Итак, что можно сказать о динамике производства и продаж «Чистого квартала» за ноябрь месяц и в частности за весь 2018 год, подходящий к концу...

– Ну, как провела выходные? – снова улучив момент тишины, шёпотом поинтересовался Борзенков у Златы, немного склонившись к ней вправо.

– Да так себе... ничего особенного, – вяло и так же шёпотом ответила блондинка, делая вид, что конспектирует доклад главного маркетолога.

– А я все выходные думал о тебе! – тихий голос Егора стал более мягким, его лицо озадачили едва уловимая улыбка и сверкающие глаза. Он попытался взять в руку холодную ладонь Златы, но та резко вырвалась и продолжила что-то калякать в своём блокноте. Молодой человек сделал вид, что не обратил на этот жест внимания: он всегда знал про крутой нрав Авдеевой, ведь уже два года вместе работают.

Авдеева по-прежнему продолжала не замечать Борзенкова, несмотря на то, что он ей пару дней назад признался в своих чувствах. Злата не рассматривала его не только на роль жениха, но и на роль возлюбленного. Он продолжал оставаться просто коллегой по цеху.

– ... Но несмотря на это мы продолжаем наращивать производство наших пылесосов «ПыльКон», – продолжал свою громкую речь докладчик Величко, – и даже выводить их на экспорт!

Послышались аплодисменты.

– А ты думала обо мне? – снова обратился с вопросом к Злате Егор.

– Слушай, Борзенков, тебе не чем заняться, что ли? – раздражённо прошипела белокурая девушка.

– Мне?! Есть, конечно!

– Ну тогда отстань от меня с глупыми вопросами!

– Хорошо, я понял! Наша принцесса не в духе сегодня.

Авдеева злобно сверкнула глазами в сторону настойчивого поклонника. Егор замолчал на время, но он не собирался сдаваться. Он смотрел на докладчика, главного маркетолога Величко, стоявшего в центре, но не слушал его речь. Он думал совершенно о другом, вернее о другой... девушке.

– ... Поэтому я считаю, что мы почти выполнили план, намеченный на ноябрь месяц, и продвигаемся к выполнению годовых обязательств, обозначенных нашими экономистами в бизнес-плане. На этом у меня всё! – Величко вытер платком со лба образовавшуюся от напряжения испарину.

После него выступил начальник производственного цеха Лев Перекусихин – человек маленького роста, средней упитанности, с выпирающим животиком и залысиной на голове, которую он почему-то пытался прикрыть несколькими прядями чёрных волос с боков. В его обязанности на этом совещании входило обсудить с сотрудниками частного предприятия «Чистый квартал» и утвердить путём голосования список передовиков производства на получение тринадцатой годовой зарплаты. Обсуждение этой темы было жарким и громким: никто не хотел быть незамеченным и незанесённым в этот короткий, но желанный список.

Когда, наконец, споры утихли, слово снова взял директор предприятия Пал Палыч Коломиец:

– Ну всё, хватит! Хватит уже обсуждать, список окончательно утверждён. Петрунич, сядь ты уже! – Пал Палыч постучал ручкой по крышке стола. – Всё. Прекращайте переговоры! Рабочий день в разгаре, а мы до сих пор совещаемся, – лицо директора становилось багровым, что происходило с ним каждый раз, когда он злился.

Наконец сотрудники «Чистого квартала» утихомирились.

– Ну что же, можно продолжить? – Пал Палыч окинул всех строгим взглядом из-под очков. – Хорошо. Тогда я продолжу. Итак. На повестке дня самый интересный для вас вопрос – это утверждение программы и меню для корпоративного новогоднего вечера, который у нас намечен на...

– 31-е декабря!

– Спасибо, Авдеева, я рад, что вы, наконец, проснулись, – пошутил пожилой директор, и все засмеялись.

– А я и не спала! – обиженно заявила Злата.

– И это радует, и это радует. Ну что же...

Вдруг дверь директорского кабинета открылась без стука.

– Так, кто это у нас такой невоспитанный и заходит без... – лицо Пал Палыча замерло, когда он оглянулся назад...

Это розыгрыш?

Первой в просторный кабинет директора широкой походкой от бедра вошла высокая, пышная барышня в длинной норковой шубе, из-под которой выглядывало ярко-красное платье. Волосы пышной блондинки были зачёсаны назад и уложены в деловую причёску. Во всём её облике ощущалась уверенность в себе, напор и самодовольство. Большая грудь шикарной блондинки шла, как говорят в народе, впереди своей хозяйки, расчищая ей путь. На вид женщине было, несмотря на тщательный уход и омолаживающие процедуры, больше сорока, скорее, около пятидесяти лет. Она прошла от двери к столу, где находился директор Коломиец, застывший от изумления с открытым ртом.

За крупной блондинкой в возрасте вошли ещё два человека в чёрных костюмах и таких же чёрных строгих пальто нараспашку. Один человек в чёрном был намного старше другого и полнее.

Когда они сравнялись со столом директора, за которым замер он сам, тот что постарше, с седыми висками, произнёс:

– А предстоящий новогодний корпоратив сотрудники «Чистого квартала» обсудят уже с новым директором! – ехидно улыбаясь, произнёс плотный пожилой человек в чёрном пальто. – Это наша несравненная, – он протянул в сторону правую руку, где позади него гордо возвышалась такая же пожилая, как и он сам, блондинка в высоких сапогах, и подтянул её к себе, представляя почтенной публике, – Серафима Андреевна Скоробогатая! Прошу поприветствовать её! – второй рукой, как дирижёр оркестра, он указывал ладонью вверх, прося публику поаплодировать. Растерянные сотрудники «Чистого квартала», собравшиеся утром этого дня на совещании в кабинете директора, замерли, не понимая до конца, что, вообще, здесь происходит.

– Это розыгрыш? – кто-то в первых рядах дерзнул задать людям в чёрном интересовавший всех вопрос.

Наступила гробовая тишина. Лицо Пал Палыча стало вдруг белым и вытянутым в длину, как окаменелое яйцо. Он стоял не шевелясь, в той же позе, в которой его застали непрошенные гости, когда без спроса ворвались в кабинет.

Но никто не услышал единичного вопроса из зала, а может, не захотел услышать, и лицедейство продолжилось.

– Это кто такие? – теперь уже Злата Авдеева наклонилась влево к Борзенкову и шёпотом поинтересовалась. Лицо её уже не выглядело, как ранее, таким помятым и заспанным: возможно, происходящее сейчас действие во время совещания было настолько из ряда вон выходящим, что миготом оторвало её от тягостных мыслей, в которые она была погружена ещё с вечера пятницы.

– Учредители, – прошипел в ответ Егор Борзенков.

– Откуда ты их знаешь? – продолжала шептаться Злата.

– А как ты думаешь, что я в курилке каждый день делаю при всём при том, что я не курю?! – ответил вопросом на вопрос находчивый молодой человек.

– Вы можете нам объяснить, что здесь происходит?! – громко спросил вскочивший на другом конце длинного стола главный маркетолог Эдуард Величко. Никому не понравилось то, что сейчас происходило в кабинете директора.

– Так, присядь, выскочка! – жестикулируя руками, как стропальщик крановщику, фамильярно и на «ты» осадил пожилой человек в чёрном главного маркетолога, осмелившегося противоречить их начинаниям. – Серафима Андреевна – отныне ваш новый директор... – зал зашумел. – Так... Тихо!.. Тихо!.. Раскричались тут... Да тихо же вы! Дайте договорить... Да-да, Серафима Андреевна – опытный руководитель высшего звена, знакома с производством,

успешный управленец... – человек с седыми висками игриво взглянул на женщину рядом с собой, – ... да и просто красивая женщина!..

– Продвигает свою любовницу, – тихо шепнул Борзенков Авдеевой на ухо.

– Да ты что?! – не верила своим ушам и глазам Злата.

– А что будет с Пал Палычем? – слышалось из зала.

Сам директор (уже, наверное, бывший) «Чистого квартала» Пал Палыч Коломиец стоял перед аудиторией ни живой, ни мёртвый, застыл как каменный.

– Что-что, ещё раз? Я не понял! – мужчина в чёрном пальто и безукоризненно белой рубашке прищурился так, осматривая толпу собравшихся сотрудников «Чистого квартала», как будто он разглядывал микробов под микроскопом, при этом съев предварительно свежий лимон без сахара.

– Я спросил, а что будет с нашим директором, Пал Палычем?

– Ты кто такой? – обратился пожилой учредитель «Чистого квартала» к молодому человеку, вставшему со стула в центре просторного директорского кабинета.

– Я – инженер-конструктор.

– Я понял! Как фамилия?

– Шустреев Юрий.

– Послушай, Шустреев, ты, я вижу, самый ушлый здесь?!.

– Скорее, шустрый! – поправил молодой человек, единственный стоявший среди собравшихся сотрудников, не считая директоров (старого и нового) и двух учредителей «Чистого квартала».

– Ты мне здесь не дерзи! – старший учредитель громко стукнул кулаком по столу. – Если бы у нас хорошие инженеры не были настолько в цене, то ты бы сию же минуту у меня получил бы расчёт и пошёл бы подметать улицы нашей славной столицы Беларуси – города Минска! – лицо говорившего становилось всё багровее и багровее, а изо рта вылетали капельки слюны. В этот момент он походил на разъярённого бульдога, готового сорваться с цепи и перегрызть плотку своему противнику.

В этот момент второй учредитель, тоже мужчина в чёрном, но значительно моложе по возрасту, что-то шепнул пожилому на ухо, и тот замолчал. Немного поразмыслив над информацией, которую получил только что в левое ухо, старший учредитель «Чистого квартала» произнёс уже более спокойным тоном:

– Ну что же, товарищи и господа... На этом наше еженедельное совещание закончим, так как уже полдень и нам пора всем работать, не так ли?

– В полдень у нас обед! – слышался голос из зала.

– Что? Уже обед?! – спохватился старший из учредителей и взглянул на свои сверкающие наручные часы из дорогого металла, похожего на платину, на большом циферблате которых красовалась надпись «Rolex», а над ней – корона. – Ну что же, Захар Родионович, – обратился он к молодому мужчине в чёрном, стоявшему по левую его руку поодаль, – отпустим работников на обед, а ...

– А мы так и не обсудили третий вопрос нашего совещания – новогодний корпоратив! – снова выкрикнул кто-то из сотрудников.

– Тссс... Как тебе не стыдно?! – заыкали на него со всех сторон. – Тут такое... а ты...

– А что я сказал такого? – стал оправдываться перед коллегами несдержанный сотрудник.

– А потом вы вместе с новым директором, Серафимой Андреевной, обсудите остальные насущные вопросы! Совещание закончено, можете расходиться!

Почему я это ощущаю

– Это просто ужасно! – идя по коридору в бухгалтерию, на своё рабочее место, делилась впечатлениями с коллегами о только что завершённом совещании Злата Авдеева.

– Я же говорил, что они, вернее, он, Чернов, продвигает свою любовницу, – поддержал диалог Егор Борзенков, идущий рядом со Златой, держа обе руки в карманах брюк.

Пройдя несколько десятков метров по длинному и просторному коридору офисного здания, где находилось управление частного предприятия «Чистый квартал», коллеги поравнялись со стеклянной дверью бухгалтерии. Там находились ещё три молодые девушки, которые не были на совещании и ещё не знали, что там произошло пару минут назад.

Злата дотронулась до металлической ручки двери и набрала полные лёгкие воздуха:

– Ну что же... – ей так не хотелось сейчас об этом говорить со своими коллегами, молодыми бухгалтершами, которые работали, не подозревая о новых переменах. – Так не хочется снова это переваривать и переживать, – Злата была очень расстроена. – Но я руководитель этих молодых девушек... и я должна...

Она не успела договорить фразу, Егор задержал её за руку:

– Подожди! Ещё только 12 часов, у нас есть целый час, чтобы перекусить и обсудить сложившуюся обстановку.

– Что ты предлагаешь?

– Я плачу сегодня за совместный обед, – подмигнул Борзенков.

– А с меня что потребуется?

– Ничего!

– Ты уверен? – переспросила Злата, сомневаясь в «чистых» намерениях своего коллеги и друга, Егора Борзенкова.

– На все сто!

– М-м-м... – задумалась блондинка.

– Даже не думай! От бесплатного комплексного обеда ещё никто не отказывался, – зазывающе улыбнулся смазливый шатен.

– Окей! – наконец согласилась Авдеева. – Только, чур, я плачу, когда получу тринадцатую зарплату!

– Согласен! Тем более, что меня в этот список почему-то не включили.

Молодые люди направились к большому 12-местному лифту, чтобы спуститься с тринадцатого этажа на второй, где находилась общественная столовая для работников многоэтажного офисного центра «Digital». Борзенков уже поднёс руку к циферблату на серебристой стене лифта, как вдруг он услышал зычный мужской голос:

– Подождите! Подождите!

В сторону лифта по широкому коридору быстрой походкой направлялся и просил подождать охранник, за которым шла пресловутая троица, состоящая из двух учредителей «Чистого квартала» и его нового директора в дорогой длиннополой шубе.

Первым в лифт по правилам этикета вошёл охранник, за ним все остальные. Борзенков продолжал стоять у циферблата. Последней входила дама, Серафима Андреевна Скоробогатая, – новоиспечённый и внезапный директор «Чистого квартала». Она бросила очень странный взгляд на вытянувшегося по стойке смирно Егора Борзенкова, от которого по спине пробежали мурашки, и стала рядом с ним у перпендикулярной стены лифта таким образом, что она могла очень близко рассмотреть его лицо, а он – её.

Лифт медленно и незаметно тронулся вниз. От острого глаза Златы Авдеевой не ускользнули игривые и незаметные знаки внимания Скоробогатой (пристальный взгляд) в сторону

Егора, и это её сильно покорило. Всё похолодело внутри. Но почему?! Ей не понравились заигрывания мужчины и женщины, или Егора и женщины? Что это за чувство поселилось в ней, доселе незнакомое, но очень жгучее, как будто что-то разрывается внутри с такой сильной, но в то же время невидимой, ноющей болью. Злата испугалась этих ощущений. Она прожила 32 года весело и беззаботно, гордясь своим одиночеством и тщательно оберегая его, а тут...

– Приехали! – прозвучал снова зычный голос высокого охранника, который, расталкивая всех в лифте, вышел первым наружу, чтобы встретить там учредителей и директора «Чистого квартала». Последними, всех пропустив, естественно, вышли и наши герои – Злата и Егор.

– Ты что?! – испуганно спросил Борзенков свою спутницу, заметив, как та резко остановилась у лифта как вкопанная. – Пойдём!.. Да что с тобой?

Наконец Авдеева пришла в себя и оторвала пристальный, замороженный взгляд от уходящих вдаль мужчин в чёрном и высокой женщины на каблуках.

– Пойдём, что ли? – нерешительно переспросил Егор и нежно взял её под локоток.

– Да-да, пойдём конечно! Прости, я задумалась.

– Бывает! – снисходительно ответил её спутник.

Весь час, вернее то количество времени, которое оставалось до окончания обеденного перерыва, Злата провела молча: она смотрела вдаль стеклянными глазами, просверливая насквозь сидящего напротив неё за столиком Егора Борзенкова и тщательно пережёвывая пищу, практически машинально.

В 13 часов пополудни каждый из них вернулся на своё рабочее место, но они могли наблюдать друг за другом – как обычно они это делали – через стеклянные стенки офисного «аквариума».

Разбитый графин, или Первый рабочий день Серафимы

Ровно в девять часов утра следующего дня дверь офиса открылась резко и громко и в неё вошла новый директор. Топот её каблуков был слышен на весь этаж. Не заходя в кабинет директора, она бросила на стол секретарше свою норковую шубу и походя спросила:

– Все ли на месте, милочка?

– Здравствуйте! – вскочив со стула от неожиданно брошенной перед ней верхней одежды и резкого звука, отрапортовала секретарша. – Д-да, конечно, все на месте. У нас никто никогда не опаздывает, у нас железная дисци...

– Меня не интересуют твои инсинуации, милочка, – поправляя на своих неестественно больших губах красную помаду перед зеркалом в приёмной, прервала на полуслове молодую сотрудницу Серафима Андреевна Скоробогатая, новоиспечённый директор фирмы. Затем она отвернулась от зеркала и добавила строгим тоном: – И запомни: когда я спрашиваю у тебя что-либо, отвечай коротко и по делу. Понятно?! – прикрикнула она в конце своей речи.

– Да-да, конечно, я всё поняла, – сутулясь и заискивая, извинялась секретарша. – Только я н-не-е... – тут она запнулась, так как свирепый взгляд Скоробогатой просто испепеляли её.

– Что-о??

– Я... это самое... хотела сказать, что я не-е Милочка, – еле выдавила из себя юная девушка.

– А кто ты?!

– Я Катя... вернее, Екатерина... Николаевна я!

– Кто-кто?

– Екатерина Николаевна Скворцова. Я офис-менеджер.

– Какой ещё «офис-менеджер»?! Секретарша – она и в Африке секретарша! – закончив поправлять причёску и яркий, обильный макияж на своём лице, Серафима Скоробогатая направилась в свой новый директорский кабинет с большим, широким столом и высоким, мягким креслом.

Сегодня Серафима Андреевна снова выглядела потрясающе яркой, но на ней уже было другое платье – зелёное, цвета болотной травы, что на фоне чёрно-белого офиса выглядело весьма экстравагантно и освежающе.

За ней следом бежала на полусогнутых Екатерина Скворцова.

– Это что за бардак такой?! – рывкнула Скоробогатая, остановившись у директорского стола, забитого кипами бумаг и папками маленькими и большими.

– Это документы, – дрожащим голосом, едва сдерживая слёзы от столь грубого и сурового обращения, отвечала секретарша.

– Я вижу, что это документы! Я не слепая! – голос Серафимы был настолько громким и пронзительным, что её слышал и видел сквозь стеклянные перегородки весь офис и всё управление «Чистого квартала». Сотрудники переглядывались между собой в недоумении: «То ли ещё будет?!»

– Их оставил здесь Пал Палыч. Он был сегодня с утра, он готовится к передаче дел.

– И куда же он делся, позвольте узнать?!

– Он пришёл сегодня рано, около восьми утра. Я уже была на месте. Я всегда прихожу пораньше, чтобы всё приготовить в приёмной к началу...

– Покороче, милочка! Он пришёл, и что? – раздражалась Серафима Андреевна.

– Да, он пришёл рано, попросил собрать ему необходимые документы для подготовки к передаче дел. Я принесла ему всё, что он просил...

– Ещё короче! – визжала Скоробогатая, стоя у загромождённого бумагами директорского стола.

– А потом он почувствовал себя неважно, я предложила вызвать ему скорую, но он отказался...

– Где он сейчас, я тебя спрашиваю?!

– Не надо так кричать, уважаемая Серафима Андреевна, – вдруг послышался спокойный мужской голос из-за её спины. – Я здесь!

Обе женщины резко обернулись. В проёме двери стоял Пал Палыч Коломиец, бывший директор «Чистого квартала». От неожиданности Екатерина Скворцова выронила на пол графин с водой, из которого она собиралась полить на окнах цветы до того момента, как в офис ворвалась Серафима.

Передача дел

Серафима Скоробогатая немного прогнулась в спине и просела в осанке, внезапно увидев бывшего директора предприятия «Чистый квартал» в его, вернее, теперь уже в её кабинете:

– А-а-а... в-вы разве не-е того ... ну, этого...? – стала путаться новая директриса в словах.

– Что «не того и не этого»? – переспросил её Пал Палыч Коломиец и вошёл вглубь кабинета.

– Ну... я хотела сказать... – Серафима Андреевна неестественно широко заулыбалась, неловко жестикулируя руками, как бы пытаясь телом помочь себе внятно говорить, – что... А почему вы снова пришли на работу, Пал Палыч? Ведь мы уже вчера всё вроде бы решили?! Вам не стоило всё-таки выходить, тем более вы себя чувствуете неважно. Мне ваша помощница сказала только что, что со здоровьем у вас плохо...

– Ничего не плохо! – тон Пал Палыча изменился при этих словах Серафимы, а лицо нахмурилось, более чётко подчеркнув морщины на его лице. Он стал копаться у себя на столе в бумагах.

– Пал Палыч, – тон Скоробогатой был похож на тон хитрой лисы, которая заманивает жертву в свои сети, чтобы полакомиться ею в скором времени, – а может, идите вы спокойно домой, пообщайтесь с женой, с внуками, а мы...

– Нет у меня никаких внуков! – резко ответил Пал Палыч. – И я не привык за тридцать лет директорской работы бросать начатые дела недоделанными.

– Так мы всё доделаем, – ласково пела хитроумная «лиса». – Мы всё доделаем и подготовим акты приёма-передачи ваших дел. Вам не о чем беспокоиться!

– Нет уж, я сам всё подготовлю и передам дела как полагается!

Бывший директор был неумолим: многолетний опыт работы в должности директора предприятия давал о себе знать. Скоробогатая смекнула, что этого «упрямого старика» – как она его про себя называла – голыми руками не возьмёшь, и нужно действовать другим способом. Тогда она резко сменила тактику:

– Ну что же, если вы отказываетесь от моей... от нашей помощи, – поправились Серафима Андреевна, указывая рукой на секретаршу Екатерину Скворцову, – тогда мы сейчас же оставим вас одного, чтобы не мешать.

Скворцова удивилась про себя такой перемене в тоне и голосе Скоробогатой, ведь буквально несколько минут назад она орала на весь офис так, что её было слышно этажом ниже. «Интересно, как она вмещает в себе столько личностей?!» – подумала про себя молодая девушка.

– Да, это очень хорошая идея, – не отрываясь от бумаг и натянув очки поглубже на переносицу, произнёс уже не так строго и громко Пал Палыч.

Сотрудники «Чистого квартала», раскрыв широко рты, наблюдали за происходящим со своих рабочих мест: не все слова, особенно произнесённые тихо, долетали до их ушей, но видимость через стеклянные офисные перегородки была отличной.

– Ну, что уставились?! – рявкнула на сотрудников новоиспечённая начальница Скоробогатая, плотно закрыв за собой дверь директорского кабинета. – Ну-ка, все по местам! – она громко хлопнула в ладоши, чтобы усилить эффект от своих слов, словно дрессировщица щёлкнула плетью.

Она обернулась на стеклянную стену, чтобы посмотреть реакцию Пал Палыча на её «управленческие» действия и «деловую хватку», но, к её великому разочарованию, стеклянная стена кабинета Пал Палыча закрылась в тот же миг опустившимися горизонтальными жалюзи. Скоробогатая тяжело вздохнула. Она очень любила работать на публику: все её действия были

громкими, широким, театральными, яркими и эмоциональными. Она была очень тщеславным человеком, и, возможно, в ней умерла драматическая актриса.

– Скворцова! – громко обратилась директриса к секретарше. – Пойдём познакомимся с нашими сотрудниками поближе. Да, и возьми список наших работников управления!

– Но мне нужно убрать осколки в кабинете Пал Палыча, – остановилась на полпути Екатерина.

– А уборщица у нас на что?! Она вообще имеется у нас в штате?

– Да, конечно...

– Ну так пусть придёт и уберётся!

Столкновение двух блондинок

– Здесь у нас бухгалтерия. Проходите! – Скворцова широко распахнула дверь в просторную бухгалтерию. У окна стоял самый большой стол, за которым работала Злата Авдеева. По периметру кабинета располагались ещё четыре отдельно стоящих стола для четырёх работниц.

Походкой от бедра вошла новая руководительница «Чистого квартала» в бухгалтерию с важным и знающим видом, цокая каблуками чёрных сапог с высоким голенищем.

– Здравствуйте! – поприветствовала гостей Злата Авдеева и вышла из-за стола им навстречу.

– Здравствуйте-здоровствуйте! – надменно ответила Серафима Андреевна, высоко подняв подбородок. – Это кто у нас? – наклонилась она к секретарше.

– Ах да! Познакомьтесь, Серафима Андреевна, это наш главный бухгалтер Злата Анатольевна Авдеева.

– Можно просто Злата! – Авдеева улыбаясь протянула руку новой хозяйке фирмы. Но та ей не ответила рукопожатием. Злата почувствовала себя неловко, и ей это очень не понравилось.

– Какое странное имя Злата, вам не кажется? – задала вопрос Скоробогатая, ехидно сощурившись.

– Нет, не кажется. Оно редкое, но не странное, – позволила возразить руководителю Авдеева, чем так же не понравилась ей.

Все остальные присутствующие с изумлением наблюдали за этим словесным поединком двух блондинок, правда, одна из них была натуральной, а другая – крашеной.

Скоробогатая, не спрашивая позволения, обошла стоящую перед ней Авдееву и направилась к окну, где находился её стол. Она подошла, по-хозяйски сунула нос в компьютер, а также в бумаги, с которыми работала несколько минут назад Злата:

– Я надеюсь, – ощупывая на прочность кресло, произнесла Серафима Андреевна, – что, кроме красоты, у нашего главного бухгалтера имеются ещё и мозги.

Злата не поняла, был ли это очередной вопрос или утверждение. Кровь мгновенно прилила к её голове и лицу, и она едва сдержалась, чтобы не ответить Скоробогатой в такой же язвительной форме.

– Сколько вам лет, милочка? – обратилась она к Злате в той же фамильярной манере, как и к секретарше.

– Во-первых, меня зовут Злата Анатольевна, а во-вторых, мне 32 года, наверное, это вдвое меньше, чем вам, Серафима Андреевна.

– Вы что себе позволяете?! Кто вам дал право...?

– Я только лишь быстро подсчитала и сравнила наш с вами возраст, ничего плохого я не имела в виду. Это моя профессия – быстро считать в уме, – с холодным спокойствием отвечала Авдеева.

Ноздри Скоробогатой раздувались в разные стороны, и из них валил едва заметный пар.

Неизвестно, чем бы закончилось это странное знакомство нового директора «Чистого квартала» с главным бухгалтером этой же фирмы, если бы их словесную перепалку не прервал наивный вопрос одной из работниц бухгалтерии, сидевшей за самым крайним столом у двери:

– Простите, Серафима Андреевна, а можно вопрос? – тоненьким голоском спросила Елена Мышкина, бухгалтер второго разряда. Лицо её было наивным и чистым, лишь пару лет назад она окончила институт и пришла работать в «Чистый квартал». И, не дожидаясь позволения, сходу спросила: – А когда же мы уже обсудим детали новогоднего корпоратива? Ведь каждый год, 31 декабря, мы...

– Этот вопрос мы обязательно обсудим... сегодня же, после работы, в 17 часов, – дала чёткий ответ Серафима Андреевна и пулей вылетела из бухгалтерии, щелчком пальцев позвав за собой секретаршу.

Фурия неслась по коридору в сторону следующего отдела. Все работники быстро пригнули головы к столам, боясь столкнуться даже взглядом с этой суровой женщиной по имени Серафима Андреевна Скоробогатая.

Из искры возгорится пламя?

– А здесь у нас самый весёлый отдел, – открывая дверь в следующий кабинет, объясняла секретарша Екатерина Скоробогатая.

– Что значит «весёлый»? Они там все под мухой, что ли?! – наморщила лоб директор Скоробогатая.

– О-о, не подумайте ничего плохого, просто это наш отдел продаж. И они занимаются своим делом не без доли веселья... Ну, как и положено хорошим продавцам! – засмеялась Скоробогатая, но тут же закрыла рот под пристальным взглядом директрисы.

Помещение, в котором располагался отдел продаж, было намного больше, просторнее и светлее, чем бухгалтерия, и здесь – что особо порадовало новую начальницу – трудился в поте лица сплошной мужской коллектив.

Увидев кругом много молодых мужчин в строгой классической одежде – «О, это то, что мне нужно!» – пронеслось в голове у крашеной престарелой блондинки – наша фурия абсолютно забыла об инциденте в предыдущем кабинете и, расправив спину, тут же расцвела. Скоробогатая красивым жестом, грациозно поправила массивное кольцо из драгоценных камней на полукрытой груди, тем самым подчёркивая её внушительные размеры.

– Здесь у нас располагаются несколько продавцов, то бишь менеджеров по продажам, и два маркетолога, один из которых главный, – продолжала вводить в курс дела нового руководителя Екатерина.

Серафиме Андреевне первым бросился в глаза молодой мужчина, который ближе всех находился к выходу в данный момент. Она моментально вспомнила его, этого не очень красивого, но чертовски привлекательного мужчину в сером костюме, с которым она вчера флиртовала взглядом в лифте. Да, это было вчера. Они вместе спускались в лифте после совещания. Она вспомнила на себе этот манящий и интригующий, как будто раздевающий (совершенно неделовой) взгляд молодого человека с русыми, с рыжиной, волосами и сексуальным, растянутым ртом. И сейчас этот мужчина при виде вошедших в отдел продаж двух женщин застыл на месте с телефоном в руках. Он перестал говорить, но трубку по инерции продолжал держать у уха. Их глаза снова встретились. Его взгляд невольно упал на полукрытую грудь четвёртого размера Серафимы Андреевны, и она это снова про себя отметила.

– А вы, я так понимаю, главный маркетолог? – Серафима Андреевна Скоробогатая вплотную подошла к Борзенкову. Тот мгновенно убрал телефон в карман.

– Я? – удивился Егор.

– Ох, нет, Серафима Андреевна! – попыталась уладить недоразумение секретарша. – Главный маркетолог вон там, – она указала на крайний стол у стены справа. – Это...

– Эдуард Величко собственной персоной! – опередив секретаршу, представился он сам и подскочил солдатином из-за стола.

Но Серафима как-то вяло отреагировала на главного маркетолога, лишь слегка кивнула головой, и снова обратилась к Борзенкову, разглядывая его без стеснения с ног до головы:

– Ну, а вы, молодой человек, чем у нас занимаетесь? – всем показалось в этот момент, что она ему подмигнула. Это было ужасно бестактно, и поведение Скоробогатой нарушало все деловые правила поведения и устои, которым должны следовать бизнесмены всех рангов и сословий. Это было абсолютно непрофессионально с её стороны. Флирт не приветствовался никогда в деловых кругах: за пределами офиса – пожалуйста, но на рабочем месте – это неприемлемо!

Сам Борзенков, такой всегда уверенный в себе мужчина, вдруг почувствовал себя не в своей тарелке под таким откровенно вульгарным взглядом женщины в возрасте, тем более

его руководителя. Он почувствовал, как горячая волна смущения прокатилась по его телу, и он стал похож на варёного рака. Но Егор Борзенков не тот мужчина, который пасует перед трудностями, тем более перед дерзкими и вульгарными женщинами:

– А я продавец! – громко и уверенно ответил он.

– Продавец?! – удивилась директор.

– Да, я простой продавец. Меня зовут Егор Борзенков, я менеджер по продажам. Я нахожу клиентов, ободряю их и предлагаю купить нашу продукцию – пылесосы «ПыльКон».

– Ободряете в переносном смысле?

– И в прямом тоже, – Егор не отводил взгляда. Он знал, что противника можно победить лишь устойчивым, прямым взглядом в упор. Если ты отвёл глаза – ты проиграл.

– Хм... Это очень интересно!

И в самом деле, эта дерзость в словах и взгляде молодого мужчины, стоявшего сейчас перед ней выпятив грудь вперёд, будоражила кровь выдавшей виды женщины неопределённого возраста. И своего возраста (ей уже было ни много ни мало 48 лет) она не только не стеснялась, а наоборот, гордилась им, считая себя женщиной в самом соку, не чёткой этим «молодым пигалицам».

Игру глазами между новой директрисой и менеджером по продажам прервала секретарша Сковорцова:

– Серафима Андреевна, давайте немного поторопимся, осталось ещё два отдела здесь, на этом этаже, и если вы захотите посмотреть ещё и производство, то нам нужно спуститься вниз и перейти через внутренний двор в другое здание.

– Да-да, конечно, – едва оторвала свой взгляд директриса от Борзенкова, и они спешно покинули отдел продаж, дав почву для размышлений, а также споров, сплетен и обсуждений впоследствии о неоднозначных взглядах и подмигиваниях со стороны Скоробогатой, относящихся к молодому специалисту Борзенкову.

Мало того, разворачивая свою объёмную фигуру в сторону выхода, Серафима (возможно, случайно, а может, и нет) шлёпнула ладонью Егора по ягодицам. Такой наглости и бесцеремонности в отношении Борзенкова ещё никто себе не позволял. Внутри он весь закипел от ярости. Ему было всё это неприятно, мерзко и противно. Тем более что из его головы ни на минуту не выходил образ Златы Авдеевой, которая до сих пор не отвечала ему взаимностью и расположения которой он продолжал добиваться уже не один год.

От злости Борзенков со всей силы сжал железный степлер в кулаке – первое, что подвернулось – и чуть не поранил себе руку. Только следование хорошим манерам стало тем сдерживающим фактором, не позволившим ему бросить этот же самый степлер в стеклянную дверь, за которой скрылась эта... В общем, он не мог подобрать даже у себя в уме подходящий эпитет, которым он мог бы обозвать эту наглую женщину в зелёном платье, цвета болотной травы.

В 16 часов, ближе к концу рабочего дня, когда весь «Чистый квартал» гудел, как улей, в обсуждении событий, происходящих на их фирме, в отдел продаж, где усердно трудился наш герой, Егор Борзенков, снова забежала запыхавшаяся секретарша Сковорцова с важным известием, которое просила всем срочно передать директор Скоробогатая:

«Сегодня, 11 декабря 2018 года, ровно в 17 часов 00 минут, после окончания рабочего дня, в зале для презентаций состоится внеплановое, двадцатиминутное совещание.

Тема: «Обсуждение предстоящего новогоднего корпоративного вечера». Явка всех, кто относится к управлению «Чистого квартала», обязательна.

Подпись: директор С. А. Скоробогатая».

Собрание после рабочего дня, или Очередная выходка Скоробогатой

– Ты не знаешь, почему выбрали именно зал для презентаций, ведь тут же плохо топят? – шёпотом спросила Злата Авдеева у рядом сидящего Егора Борзенкова и поплотнее обмоталась красным шарфиком.

Они оба сидели в четвёртом ряду достаточно вместительного зала, где обыкновенно проводили презентации и большие собрания. Зимой этот зал использовали редко, так как в просторном помещении было достаточно прохладно в зимнюю пору года.

Лишь два человека из семнадцати участников собрания решились сесть в первом ряду, перед самым носом у начальства, то есть у нового директора частного предприятия «Чистый квартал», которая уже успела прославиться среди коллектива своим чрезмерно склочным и стервозным характером, а ещё способностью сводить мужчин с ума, несмотря на свой уже немолодой возраст.

– Итак, я вас долго сегодня не задержу, – начала собрание Серафима Андреевна. – Как вы уже слышали, мы собрались здесь, чтобы обсудить вашу, вернее, нашу традицию каждый год отмечать наступление Нового года вместе, дружным коллективом, то есть подготовку и проведение новогоднего корпоратива для работников «Чистого квартала». Как уже здесь заведено годами предыдущим директором Коломийцем Пал Палычем...

– А можно вопрос? – это выкрикнул, как всегда, самый нетерпеливый и дерзкий сотрудник «Чистого квартала», его единственный и поэтому бесценный инженер-конструктор.

– Да, конечно... Юрий Шустреев...? – неуверенно произнесла имя сотрудника новоиспечённый директор Скоробогатая.

– Так точно, Шустреев.

– Какой вопрос?

– А почему мы сегодня здесь проводим совещание, в зале для презентаций, ведь обычно наши совещания проходили в кабинете директора? Да и холодно здесь зимой!

– М-м-м... э-э-э... – Серафима Андреевна явно занервничала и стала заикаться, подбирая слова для ответа. Она почёсывала кончик носа, её глаза суетливо бегали в разные стороны. Видимо, впервые за время общения нового директора со своим коллективом Скоробогатая растерялась.

Но ей на помощь быстро пришла смекалистая помощница, Екатерина Скворцова. Она была юна – на тот момент ей было всего лишь 18 лет – но она явно отличалась острым умом. Скворцова, сидевшая в первом ряду зала для презентаций и державшая в руках кипу бумаг, блокнот и карандаш для стенографирования, встала во весь рост и повернулась к зрителям, в том числе и к Юрию Шустрееву:

– Дело в том, что в кабинете директора до сих пор работает Пал Палыч. И мы не захотели ему мешать, поэтому...

Участники собрания загудели: «Как так?! Почему работает?! Никто не знал, что он в своём кабинете! Почему его никто за весь день не видел?! ... И так далее, и тому подобное».

– Прошу тишины, господа! – директор Скоробогатая постучала позолоченной ручкой по стенкам графина с водой, стоявшего в центре стола, за которым она произносила речь.

Снова вскочила Скворцова и пронзительно-громким голосом, переходящим на визг, попросила всех замолчать.

– Господа, давайте всё-таки вести себя немного потише. Я не знаю, почему господин Коломиец до сих пор не выходил из своего кабинета. Мне лишь известно то, что он готовит документы для передачи мне своих дел. Вот и всё.

Шум в зале немного поубавился.

– Ну, а теперь мне можно продолжать собрание? – задала Скоробогатая риторический вопрос. – Итак, как мне сказала наша секретарша...

– Офис-менеджер! – поправила с места Скворцова, чем вызвала в свой адрес шквал негативной реакции Скоробогатой.

– Что?!

– Я говорю, что я не секретарша, а офис-менеджер, – повторила Екатерина Скворцова.

– Вы что, меня тут поправлять вздумали? Да кто ты тут такая вообще?! – Скоробогатая перешла на «ты», тем самым подчёркивая уничижительное отношение в адрес человека, попытавшегося ей делать замечания. – Я буду вещи называть своими именами. Меня комментировать и поправлять запрещаю впредь! – она громко топнула ногой. В зале установилась мёртвая тишина. Её эксцентричность в глазах коллег росла в геометрической прогрессии. – Выйди вон и подумай над своим поведением!

Скворцова широко раскрыла глаза и рот, не веря своим ушам.

– Ты что, глухая?! Выйди сейчас же!

Секретарша молча встала и ушла, пару раз оглянувшись на разъярённую директрису: то ли от шока, то ли от страха, что та ещё побежит за ней.

Когда за изгнанной секретаршей захлопнулась дверь, Скоробогатая спросила:

– Кто-то ещё хочет меня покритиковать?!

Никто даже не шелохнулся.

– Тогда я продолжу, – Скоробогатая налила себе в стакан воды и отпила пару глотков, чтобы промочить высохшее от волнения горло. Она заметно нервничала, но никто не мог понять причину её озлобленности и нервозности. Возможно, она была всегда такой, а может, и нет. – Давайте сразу перейдём к обсуждению нашей темы по существу. Итак, новогодний корпоратив, я смотрю по планировщику событий, который мне предоставила наша секретарша, – Серафима сделала яркий акцент на слове «секретарша», – он состоится 31 декабря 2018 года...

– Простите, Серафима Андреевна, можно я вас перебую? – послышался женский голос где-то позади всех. Скоробогатая попыталась со своего места рассмотреть, кто это говорит, но она увидела только руку, торчащую из-за спин сидящих перед ней сотрудников.

– Кто это говорит? – спросила директриса.

– Это я – Злата Авдеева, главный бухгалтер, – улыбаясь Злата вытянулась во весь рост, встав со своего места в четвёртом ряду.

– А-а-а, это вы?! – сморщилась Серафима, как будто от зубной боли. – Ну говорите, что у вас! Всё равно уже перебила, – она отпила ещё глоток прохладной воды.

– Дело в том, что я уже занимаюсь этим вопросом.

– Что-что, я не расслышала? – вытянула голову вперёд Серафима Андреевна. – Выйдите сюда, вперёд, чтобы всем хорошо было слышно! А то бубните себе там что-то под нос, – раздражалась женщина в зелёном платье.

Злата Авдеева вышла вперёд и встала около стола, за которым восседала перед собравшимися сотрудниками «Чистого квартала» их новый директор, Серафима Андреевна Скоробогатая.

Авдеева прокашлялась и начала свою речь:

– Я хотела сказать, – она неуверенно то и дело озиралась на директора, чтобы видеть её реакцию на свои слова, ведь только что на её глазах выдворили одну из сотрудниц «Чистого квартала» за дверь из-за не понравившейся Скоробогатой фразы, – что этим делом, организацией новогодних корпоративов, в последние годы в «Чистом квартале» занималась я...

– А вам что, главный бухгалтер, нечем больше было заниматься на своём рабочем месте?! Ведь год подходит к концу, скоро годовые отчёты нужно сдавать, балансы там всякие... Вас это, по всей видимости, меньше беспокоит, чем какая-то новогодняя вечеринка! – Скоробогатая ехидно засмеялась. По залу тоже пробежал лёгкий смешок.

– Ну, почему же меньше?! Просто мне Пал Палыч поручил, вот я и...

– Пал Палыча больше нет! – взвизгнула Скоробогатая и вскочила из-за стола. Наступили мёртвая тишина.

– Как нет?! – ухватила за вылетевшую случайно фразу нового директора Авдеева.

– Ой, я ... я ... не это хотела сказать... лишь то, что... – второй раз за всё время Скоробогатая смутилась из-за своих слов и несдержанности, – в общем, это неважно. Продолжайте: о чём вы хотели нам поведать?

– В этом году нам очень крупно повезло с выбором зала для проведения новогоднего корпоратива, – воодушевлённо говорила Злата Авдеева, щедро одаривая всех присутствующих в зале улыбкой. – Недавно мне позвонил Александр Крыницын – это, как вы знаете, зять нашего Пал Палыча...

– Какого ещё Пал Палыча?! – опять встряла несдержанная Скоробогатая. – Сегодня же утром он сам сказал, что у него «нет никаких внуков»!

Авдееву тоже уже стало раздражать такое бесцеремонное поведение новой начальницы, но она не могла ей сделать замечание, так как это было чревато тяжёлыми последствиями для неё, и Злата сдержалась:

– Внуков у Пал Палыча нет, но зять есть! – вежливо, едва сдерживая свой гнев, ответила Авдеева Скоробогатой. – Мне можно продолжить?

– Продолжайте, только покороче! – согласилась директор, посмотрев на часы, а затем перевела взгляд на Борзенкова.

Да, она заметила его в четвёртом ряду и больше не спускала с него своего похотливого взгляда. Борзенков попался! Как он выкрутится из этой ловушки и из цепких лап этой толстой и опытной кошечки?

– Зять Пал Палыча, Александр Крыницын, работает администратором в очень престижном ресторане в центре Минска. У него и название очень волшебное – «Седьмое небо»! Красиво, да? – улыбаясь, Авдеева повернулась в сторону, где сидела директор Скоробогатая. Злата заметила, что та абсолютно не слушала её речь, а с кем-то перемигивалась. Девушка в тот же момент провела мысленную траекторию взгляда Серафимы Андреевны, и та закончилась на ... её друге, Борзенкове.

«Ох, это ужасно!» – пронеслось в голове у Златы. Но она тут же взяла себя в руки – Злата не привыкла показывать свои слабые стороны – и продолжила речь:

– В прошлом году мы отмечали праздник в «Корчме», а в «Седьмом небе» мы встретим Новый год впервые!

Все заплодировали на этих словах, что означало: идея Златы им понравилась. И, воодушевлённая поддержкой коллег, девушка продолжила рассказывать о своём плане. Оказывается, у Златы уже был подготовлен полный список участников этого корпоративного вечера (а это ни много ни мало 38 человек), смета всех расходов и даже культурная программа вечера, вплоть до таких подробных мелочей как: кто когда и какую речь говорит. В общем, программка выдалась по предварительному согласованию очень даже ничего, весёленькая. Решением собрания единогласно приняли план новогоднего корпоратива, предложенный главным бухгалтером Авдеевой.

После голосования все участники стали быстро разбегаться: во-первых, замёрзли, а во-вторых, уже всем хотелось побыстрее попасть домой на тёплый семейный ужин или на тёплый холостяцкий ужин – в любом случае всем хотелось домой.

Зерно любви

Злата быстрой походкой шла по коридору. Она до сих пор была раздражена и зла после общения с новой начальницей «Чистого квартала». «Что она себе позволяет?!» – шептала про себя Авдеева, крепко сжимая зубы таким образом, и со стороны могло показаться, что она на кого-то устрашающе шипит.

– Ой, еле догнал тебя! – слышалось сзади.

Блондинка вздрогнула от внезапного звука и прикосновения к своей руке. Она резко остановилась и вырвалась из рук Борзенкова, затем снова быстрым шагом продолжила движение по просторному, длинному коридору в сторону своего кабинета. Уже все разошлись по домам, и лишь в каких-то отдалённых уголках большого офиса горели огоньки настольных ламп, а в коридоре стоял полумрак.

– Ты почему такая злая сегодня? – уже вдогонку крикнул Егор Злате. Ответа не последовало. – Ну и чёрт с тобой! – он сплюнул в сторону сухой слюной и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, направился к гардеробу, на выход.

Злата вошла в тёмный кабинет и, подойдя к своему столу, включила настольную лампу. Никого больше не было вокруг в тёмной бухгалтерии, все ушли домой. Уставшая Злата Авдеева плюхнулась, как мешок картошки, в своё кресло и откинула голову на его мягкую спинку. Ужасные мысли почему-то преследовали девушку. Хотя, казалось бы, всё шло по плану: скоро Новый год, праздничный корпоратив в дорогом ресторане «Седьмое небо» в центре Минска, живая музыка, красочная программа, которую сегодня утвердили единогласно – всё классно!

Вдруг за окном послышался шорох. Она быстро развернулась на кресле в сторону звука. Ничего особенного там не происходило, лишь за окном тихо падал большими хлопьями белый снег, играя разноцветными красками в отражении уличного новогоднего освещения.

«Боже, как красиво! – восхитилась Злата. Город переливался разноцветными огнями и гирляндами. – Как будто я в сказке!...»

– Ты не забыла о моём предсказании?

– Что?! – всполошилась Авдеева, испугавшись, что в кабинете она не одна. – Кто это говорит? – она подскочила с кресла. Звук доносился со стороны окна. Злата подбежала к нему и стала трясти шторы, предполагая, что там кто-то спрятался и разыгрывает её. – Ах, это снова ты?!

За окном снова появилась цыганка в чёрном платке с жёлто-красными цветастыми узорами и в ярко-красной расклёшенной юбке до пола. Точнее, юбка не была до пола, а лишь до кончиков ног той самой цыганки. И эта странная цыганка из кафе «Новогодняя сказка» сейчас парила в воздухе за окном, на уровне тринадцатого этажа, где находился офис Златы Авдеевой.

– Зачем ты меня преследуешь? – закричала Злата через закрытое окно.

– Я хочу напомнить тебе, что до Нового года осталось 19 дней! Это совсем ничего для важного события, но ты должна осмысленно подойти к нему.

– К чему подойти? – орала изо всех сил Авдеева.

– К событию, которое должно скоро случиться в твоей жизни. Оно изменит твою жизнь навсегда.

– Какое ещё событие? Я вообще ничего не планирую на ближайшее время, кроме... – Злата задумалась.

– Кроме? – улыбнулась цыганка.

– Кроме новогоднего корпоратива, который проходит у нас каждый год в декабре. А теперь...

– Но я всё-таки напому тебе, золотко, чтобы ты не упустила свой шанс встретить свою любовь. Она придёт к тебе до наступления Нового года. Но...

– Какая любовь?! – Злата возвела сложенные руки вместе к небесам. – У меня даже и парня нет! И если я его встречу и – что самое главное! – полюблю его за 19 дней, то я действительно поверю не только в тебя, моя фантазия, – она ткнула пальцем в стекло, за которым продолжала парить цыганка, – но и в то, что под Новый год чудеса случаются! А сейчас...

– Но ты не дослушала меня, золотая моя... – цыганка тщетно пыталась вставить ещё несколько слов в монолог разгневанной Авдеевой.

– Хватит! Наслушалась уже. А теперь...

– Но за своё счастье и за свою любовь ты должна будешь побороться! – всё-таки выкрикнула пожилая цыганка заветную фразу.

– Пошла вон отсюда! – Злата схватила то, что попало ей первым под руку, – а попался ей горшок с орхидеей – и бросила его в цыганку. Послышался звон стекла...

Нет-нет, не волнуйтесь, прочное наружное стекло многоэтажного офисного центра «Digital» оправдало своё высокое качество повышенной прочностью, которое гарантировала строительная фирма: даже не появилось и микротрещинки. Но пластиковый горшок с орхидеей раскололся на части, цветок также сломался. Образовался настоящий бардак в кабинете Авдеевой, в частности, у её стола.

Злата ужаснулась тому, что она наделала в порыве эмоционального срыва. Но она добила того, что «летающая» цыганка со своими навязчивыми предсказаниями исчезла наконец без следа, оставив после себя разбросанные горсти комковатой почвы из-под цветка и сломанный горшок:

– Боже! Что я натворила?! – Злата схватилась за голову. Она взглянула на настенные громко тикающие офисные часы: большие чёрные стрелки показывали уже 19 часов вечера. Но Злата привыкла так поздно покидать своё рабочее место, ведь такие задержки для неё были не в новинку. Да и не ждал её никто дома: спешить было нашей героине некуда.

Вдруг через открытую дверь кабинета слышались какие-то посторонние звуки. Это были звуки приближающихся шагов. Злата прислушалась и настороженно устремила свой взгляд в стеклянную стену кабинета, пытаясь рассмотреть, что там происходит. Шаги становились слышны всё ближе и ближе. Злата судорожно стала искать веник и совок, чтобы навести за собой порядок.

– Ты до сих пор тут?

В двери образовался с красным носом и синими руками Егор Борзенков.

– Ах, это ты?! – облегчённо выдохнула Авдеева.

– Я тебе минут тридцать уже жду у входа, когда ты, наконец, выйдешь. Мы же всегда вместе домой возвращаемся после работы.

– Не вместе! – грубо ответила Злата, пытаясь руками сгрести песок, вывалившийся из цветочного горшка, на листок бумаги.

– Ну-у... я хотел сказать, что выходим с работы всегда вместе, – исправился Егор. – А ты что там под столом делаешь?

– А ты не видишь?! Землю сгребаю!

– Зачем?

– Волшебное семя посадила, – решила пошутить Злата, но выражение лица её ни капли не изменилось.

– Вау! Как это интересно... и по новогоднему! – засмеялся Егор Борзенков и подошёл ближе к «месту происшествия». – А какое зерно, позволь мне узнать? – тут же поддержал молодой человек игривое настроение своей подруги.

– Зерно любви!

– О-о-о! Это становится ещё интереснее! – Егор попытался дотронуться до Златы, но та, как ошпаренная, отскочила от него.

– Нужно найти веник и совок в этом офисе, а то я уже стала вся чёрная, как трубочист, – Злата брезгливо посмотрела на свои грязные руки и поднялась с пола. – Ах да! В кабинете директора есть небольшой хозяйственный шкаф, куда наша уборщица ставит ведро, веник и совок. Точно! – повеселела Авдеева и напрямик направилась в соседний кабинет, в котором было сейчас темно и перегородки были зашторены жалюзи с самого утра.

Что испугало Авдееву

– А-а-а!... А-а-а!... – вдруг послышалось из кабинета директора, после того как там включился свет.

Борзенков отбросил сломанный цветочный горшок в сторону и бросился вслед за Златой. Он вбежал в открытый кабинет директора и увидел страшную картину: сначала его взгляду бросилась визжащая во всё горло Авдеева, рвущая от ужаса на себе волосы и задом пятящаяся к выходу. Наткнувшись спиной на только что вошедшего коллегу, она завопила ещё громче.

– Перестань кричать, это я! – Борзенков заключил Злату в объятия, и она, как маленький ребёнок, зарыдала ему в плечо. Егор почувствовал сквозь рубашку разливающуюся по телу теплоту от её слёз.

Затем страшная картина, напугавшая главного бухгалтера, открылась и взору Борзенкова: все бумаги на столе бывшего директора предприятия «Чистый квартал» были залиты тёмно-багровой кровью, а на них лежал лицом вниз сам бывший директор Коломиец Пал Палыч. Его лицо было бледно-синего цвета. Рядом с его рукой лежал пистолет.

Всё похолодело внутри у Борзенкова, он едва сдерживал себя, чтобы тоже не закричать и не заплакать, а этого ему сейчас очень хотелось. Но больше всего его голову разрывал один вопрос: «Почему?»

Через двадцать минут примчалась милиция, извещая всю округу громкими звуками сирены.

– Капитан милиции Казановский Станислав Сергеевич, – представился молодой мужчина в форме, щуплого телосложения, чуть выше среднего роста, со светло-голубыми глазами и льняного цвета волосами.

В это время Злата Авдеева, вся в подавленном состоянии, и Егор Борзенков, утешающий её, сидели в кабинете главного бухгалтера. В помещении пахло валерьянкой и затхлым запахом крови. При виде вошедшего следователя они оба подскочили и поздоровались с ним.

– Показывайте место происшествия! – сразу, без лишних сантиментов, перешёл к делу капитан Казановский.

– Товарищ капитан, понимаете, мы со Златой... вернее, со Златой Авдеевой, это наш главный бух...

– Потом всё расскажете. Показывайте, где труп! – не меняя спокойного выражения лица, скомандовал молодой сотрудник милиции. Позади него стояли ещё два человека в форме.

Аккуратно освободившись от объятий Авдеевой и убедившись, что она может стоять самостоятельно, Борзенков направился в кабинет директора, где по-прежнему продолжал гореть электрический свет. Покачиваясь и сморкаясь во влажный носовой платок, за ним последовала Злата. Её глаза были сильно опухшими, а лицо – красным и заплаканным. Она то и дело шмыгала носом и вытирала бесконечно льющиеся из него сопли.

– Та-ак... – по-свойски, как уже не в первый раз, капитан Казановский обошёл вокруг стола, за которым находился труп бывшего директора. – Стоя-я-ять! – вдруг закричал милиционер, вытянув руку вперёд. Авдеева с Борзенковым вздрогнули, и Злата снова зарыдала в грудь своему другу. – Стоять на месте! – приказал крикливый капитан. – Свистунов, очерти место преступления и не позволяй свидетелям сюда приближаться.

Сержант Свистунов, молодой помощник капитана Казановского, отодвинул растерянных сотрудников «Чистого квартала» и свидетелей происшествия ближе к двери.

Капитан Казановский вплотную подошёл к труп и дотронулся до его шеи рукой, а затем, посветив маленьким фонариком, проверил зрачки умершего.

– Свистунов, пиши. Труп человека мужского пола, на вид лет шестидесяти, обнаружен мёртвым... – Казановский взглянул на часы, – 11 декабря 2018 года в 19 часов 56 минут лежащим на своём рабочем столе, в луже собственной крови и с пистолетом в руках. Предположительное время смерти... Так, по температуре тела и по высыханию роговицы глаза можно предварительно определить, что смерть наступила около трёх часов назад, то есть около 17 часов. Голова лежит на столе, на левой щеке, руки, чуть согнуты в локтевых суставах, обе лежат на столе. Пистолет зажат в левой руке, в правой руке – ручка... Хм... – ухмыльнулся капитан милиции, – он что у вас, левша? – обратился он к свидетелям.

– Нет, – удивлённо ответил Борзенков.

Злата перестала плакать и с интересом вслушивалась в слова следователя.

– Почему пистолет в левой руке?

– Я... я... не зна... я не помню, был ли он левшой или правшой, – растерянно бормотал менеджер по продажам Борзенков. – Я никогда не обращал внимания на такие мелкие детали.

– Он не был левшой! – выкрикнула Злата Авдеева, полностью утерев свои сопли и слёзы и сосредоточившись на происходящих событиях. – Он точно не был левшой. Я помню. Каждый раз, когда я подходила к нему, чтобы подписать бумаги, я становилась всегда с левой стороны, во-он оттуда! – она указала рукой на левую часть рабочего стола директора. – И он всегда писал другой рукой... то есть правой.

– Это вполне логично, – задумчиво произнёс капитан Казановский. – Вот, ручка у него в правой руке. Тогда тем более не понятно, каким образом он совершил самоубийство... А ведь это похоже на самоубийство, правда?... – он пристально взглянул на обескураженных свидетелей.

– Н-ну-у... если в-вы так считаете... – неуверенно произнёс Борзенков.

– Я так не считаю, я спрашиваю у вас!

– Н-н-у-у да, это больше похоже на самоубийство. Ведь ни у кого из наших коллег не было мотива, чтобы убивать Пал Палыча.

– Ага! – закричал неожиданно щуплый молодой человек в форме. – А вот и предсмертная записка! – он ловким движением руки достал из внутреннего кармана кителя пинцет. – Свистунов, ты уже сфотографировал его за столом? А мелкие улики?

Получив положительный ответ, капитан вытащил смятый клочок бумаги, на котором лежала правая рука убитого Коломийца, а в его пальцах была зажата ручка.

– В записке написано:

«В моей смерти прошу никого не винить. Я ухожу из этого мира по своей воле», – зачитал капитан Казановский содержимое предсмертной записки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.